

Нуянь Видяз

Где цветет чистодуш?

Рассказы о природе

0+

Нуянь Видяз
Где цветет чистодуш?

«ЛитРес: Самиздат»

2009

Нуянь Видяз

Где цветет чистодуш? / Нуянь Видяз — «ЛитРес: Самиздат»,
2009

Рассказы Нуянь Видяз о природе и связи с ней человека, как её части, пример того, как внимательно и с любовью следует относиться к окружающему миру. Сохранить для нынешних и будущих поколений природу, её красоту, нежную и суровую, богатство и разнообразие – этим обеспокоен, лирический герой произведений Нуянь Видяза.

Содержание

Вступление	6
Весенние напевы	7
Березовые хороводы	8
Весна, что с тобой?	9
Ожидания	10
Суд совести	11
Относительность	13
Ожидание весны	14
Жизнь даруется...	15
Солнечные дорожки	16
Счастье	17
Дим! Дим!	18
Мышь и “мышонок”	19
Мать-и-мачеха	20
Ах, ты, юность...	21
Вечный должник	22
Миф и правда	23
Синяя песня	24
Кто за чем...	25
Чуткость	26
Где цветет чистодуш?	27
С какой стороны посмотришь	28
Открытие	29
Разведчица	30
Дождик без дождя?	31
Сколько не читай...	32
Песнь любви...	33
Отчего?	34
След доброты	35
“Заговорят и облака...”	36
Вай, ты, воля-волюшка...	37
“И день, и ночь, и день и ночь...”	38
И было мне стыдно	39
Равны. Да?	40
У каждого свое сито	41
Рубим не сук, а...	42
Красная книга	43
Самозабвение	44
Сон-трава	45
Вирьава (1), где ты?	46
И звезды покажутся крупнее	48
Незабудка, моя Незабудка!	49
Непризнанная красота	50
Первоцвет	51
Песня Родины	54
“Черный ворон, я не твой...”	57

Верность	58
Дай нам, Инешкипаз (2)...	61
Откровения лета	63
Березовая рябь	64
Характеры	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Вступление

*В кладовой солнца надо завести
человеческий порядок и охранять его.*

М.Пришвин

Рос я в тесном общении с живой природой. Лес, луга и полевые просторы на всю жизнь наполнили мою детскую душу запахами холодной росной травы, свежевспаханной земли и сытным духом поспевающих хлебов. Глубокий след оставили в ней речка Вежлейка, казавшаяся тогда самой широкой и многоводной, Петровский лес, поездки в ночное...

А в школе нас учили “не ждать милостей от природы”, учили ее покорять и преобразовывать. Не только мы, босоногие, но и взрослые, признаться, мало задумывались в ту пору о ее ранимости и подчас полной беззащитности. Не до того, правда, было. Шла война, и цель у всех была одна – победить голод и выжить. Понял я недобрую суть призыва “покорять и преобразовывать”, лишь когда последствия всяких вмешательств в чужие дела предстали в самом неприглядном виде. И все-таки воспринимались они мной больше разумом, чем дремлющим сердцем.

И вот однажды...

Возвращаясь в родное село, я дошел большаком до мелкой Симилейки, и почему-то захотелось мне перейти ее не по мосту, а вброд. Свернул на обочину и спустился по тропке, еле приметной в бурьяне, на дно оврага.

Журчит себе, будто колокольчиками названивает, речка детства, бегущая по гладкой круглой гальке. О чем это ты, непоседа? Куда, скажи, спешишь? Наклонился я и хотел было, обмочив руки, почувствовать свежесть ее воды. Протянул вперед ладони, сложенные лодочкой, и тут же передумал.

И было отчего!

...Вода Симилейки блестела всеми цветами радуги. Лениво кружась и переливаясь, плыли по ней оранжево-красные, лиловые, зеленые... масляные потеки. Господи, да кто же так надругался над моей звонкоголосой?

Перешагнул через речушку и поднялся по еле видной в репьях стежке на другой, взгористый бережок. Огляделся и понял: в сотне метров вверх по течению, над самым берегом под раскидистыми ветлами стояли цистерна с топливом и бочки с маслами.

В тот печально-памятный летний ясный день у меня словно бы заново открылись глаза. Я стал внимательнее прислушиваться к голосам окружавшей меня природы: начал острее воспринимать шум стихающего ветра и грустный шорох падающих и опавших в вечность осенью обгаренных листьев, сердцем понимать тайну переключек летящих под облаками птиц.

Именно тогда, в тот день безрадостного свидания с маленькой говорливой Симилейкой, я потянулся впервые к чистому листу бумаги и ручке, а карманный блокнотик сделался с той поры моим неразлучным спутником. Именно после того “несчастливого случая” его странички заговорили о тронувших душу мгновениях из жизни деревьев, трав, бабочек..., о впечатлениях, полученных от встреч с прекрасной страной по имени Природа.

Весенние напевы

Весна – утро года. Эту афористически точную мысль я бы продолжил так: весна – ожидание и надежда на перемены, приносящие радость. Лето так ностальгически, как весну, редко кто ждет. Оно само, без жаждущих его, приходит. Приходит незаметно, тихо, без гомона. А вот весну...

Март – первый вздох утра. Следовательно, и года.

Куда ни помотришь – снег. Если выйдешь в поле, там и запаха не уловишь долгожданной поры. Снег, снег, снег... Голубеет, как будто море-океан в тихую солнечную погоду. И все-таки месяц этот – весенний. Почему? Игрой, полыханием света. Когда со своей высоты улыбается-смеется рыжелицее солнце, на сугробы, на снежные просторы полей без слез не помотришь. Бывает и по-другому, но так случается редко.

Март – начало начал, завязь. Растет она – видеть не увидишь. Что Бог подарит, кем-чем порадует, не знает никто.

Сполохи света и гулкие порывы ветра-южака старались не зря. бесследно не ушли. Они пригласили-привели апрель – порог Весны. От дождей и теплого ветра потемнели леса и поля, помрачнели и начали сходить снега, просыпаться от зимней спячки речушки и реки, веселее зазвонил жаворонок.

Так мучаясь, крича, но не теряя времени, пришла новая полоса – повторение жизни.

Травы, кустарники и деревья исполины оделись, настало время, в зеленое. Засверкали на солнце молодой листвой. Пришел май. Он красен цветением от травинки до дубов, запахами цветов и гомоном пернатых в рощах и перелесках.

Весна – знак перемен и спешки. Постоянства в ней мало. Сегодня так, завтра по-другому. Надеяться на ее слово не приходится. Склонна к измене, обманет и оглянуться не успеешь. Если не так наступишь весной, не так будешь шагать и будущей зимой.

Березовые хороводы

Торопливо плывут за автобусным окном волнистые снежные просторы. Март уже на исходе, а на продутых ветрами полях всё еще хозяйничает зима. Яркой синевой блестит на солнце ее холодное покрывало.

“Вот тебе и “протальник”! – прислонившись плечом к стеклу, подумал я. – А ведь в старину так и величали самый щедрый светом месяц в году”.

Виднеются подернутые сизой дымкой скирды соломы, тоскливо сжавшиеся под белой крышей, овражки, вровень забитые снегом, деревья... Совсем рядом махнула крылом и тотчас скрылась за косогором чудом сохранившаяся до наших дней ветряная мельница.

Привычно и монотонно отсчитывают колеса километры наезженного до стеклянного блеска асфальта. Зовущая за далью даль дорога длинным прямым коридором рассекает полный величия сосновый бор. Деревья вдоль большака выстроились словно на парад. На ветвях их – глыбы посеревшего от времени снега. “Скорей бы сбросить свою зимнюю ношу и облегченно вздохнуть!” – говорит их усталый вид.

Но вот пробежали за окном длинноногие сосны, и сменили их светлые сарафаны берез. От их ослепительной белизны зарябило в глазах. Стоят они, скромницы, прикрывшись инейной фатой, будто невесты на смотринах. Одна пригожее другой. Стоят в ожидании какого-то чуда.

Усыпляюще однообразно шуршат шины. Урчит мотор.

Гляжу я в окошко и, очарованный увиденным, боюсь шевельнуться. Одни березки с величавой торопливостью отбегают назад, а стоявшие чуть поодаль занимают их места. Эти круговые движения, постоянная смена мест деревьями удивительно напоминают старинный хоровод.

Хоровод берез! Кружатся они то до трогательности плавно, неспешно, то с быстротой праздничной карусели.

И чудится мне, что весенняя березовая роща, сплетясь ветвями, водит и водит замысловатые хороводы. И тихая музыка слышится мне, и отдаленный шорох тонких ветвей. ...Да березы ли это встречают так весну? Не девушки ли в нарядных, вышитых кружевами платьях вышли на луга за околицей и завели старинные песни, одновременно и грустные, и озорные?..

– Слышите, поют? – услышал, мне показалось, за моей спиной чей-то взволнованный шепот. – Какой славный напев!..

Но вот дорога свернула, и полная музыки и светлой грусти березовая роща осталась позади. И снова перед глазами распахнулись голубые дали полей и перелесков, снова замелькали мосты, столбы, околицы...

Молодой вихрастый шофер глянул в полупустой салон и прибавил газу.

“Не гони, браток, не гони! – мысленно попросил я его. – Езжай потише. Не торопи расставание с увиденной красотой. А может, вернешься вновь к березовым весенним хороводам? Что тебе стоит?”

Весна, что с тобой?

В последние годы вести о приходе весны жду от синиц. В детстве о ней сказывал прилет грачей. Их скрипучий голос разносился по всей округе. После них заявляла о себе речка-говорунья, выбравшая себе в стародавние времена тропинку за нашими картофельными сотками. К этому времени изменялся окрас полей, рушились дороги, светлели лица ребятишек. Наконец-то зимнюю тишину окончательно нарушал рокот тракторов, во главе мощного гусеничного “ЧТЗ”, которые возвращались после ремонта в машинно-тракторной станции в село. Их победный рокот был зарубкой: тепло не отступит.

Это было давно. Во время Второй Мировой и вскоре – после.

Как теперь?

Теперь весна приходит совсем по-иному. Кажется мне, случилось с ней что-то неладное. Может, заболела? Или устала? А не постарела ли? Приходит она, как-то хоронясь от чужого глаза, оглядываясь вокруг, и без прежней шумной хвальбы. Ни грохота ледохода, ни бурления половодья, ни песен скворца. Нет, не высекает она, как в пору далекого детства, своими песнями искры радости.

Почему?

Почему Весна стала рабыней с опущенной головой? Кто виноват?

Сама Она или, быть может, я и все мы?

Ожидания

Ну и зимушка выдалась в этом году! Даже почтенные, много чего повидавшие на своем веку старики не помнят такого снега. “Раз в сто лет”, – говорят в подобных случаях. А может, и в тысячу. Он ровно и покойно укрыл окрестные леса толстым теплым одеялом, а села завалил сугробами.

“Февраль богат снегом, а апрель – водой”, – не раз вспоминал я о старинной примете. Был уверен, что будет большая вода, и ожидал, само-собой, великого разлива. Так и полагал: хлынет с полей и лесов талая вода и реки разольются, затопив берега, морем-океаном.

Весна вступала в свои права робко, как бы стыдливо оглядываясь. Смущалась, видно, если не боялась, снежных запасов зимы. Справится ли с ними? Появится раз-другой еще не жаркое солнце и старается вновь спрятаться за облака. Полагайся на него! На проталинках весело журчат ручейки-снеговички, а в затени – уши щиплет, похрустывает под ногами, будто сухарь, ледок.

Все не решалась невеста года. Стеснялась чего-то. Зима же зря время не тратила. Она сама, добровольно, не торопясь сняла свою шубу и молча укатила в полуночные края в поисках новой. Из-за нерасторопности весны, из-за её несмелости, поймы рек, сколько я ни ждал, не удивили широкими зеркалами вод: великий разлив не состоялся.

“Апрель с водою, – верили исстари. – май с травой”. Нет, на сей раз не вышло по поверью! Луга из-за апрельского безводья по осени не порадовали меня куполами стогов сена.

Не все, оказывается, надежды, которыми мы тешим себя, сбываются, не все!.. Иногда кажется счастье, радости безоблачной жизни так близки, так близки, а дойти до них так и не дойдешь.

Суд совести

У грачей праздник: они возвращаются в родные места. С темна до темна не смолкает над старыми гнездовьями шумный разноголосый грай. Грач – птица толковая, знает, что весенний день и вправду год кормит. Нужно спешить. Оттого и переполох на всю округу.

Я стою у окна и с высоты четвертого этажа наблюдаю за весенними заботами чернокрылых на старых тополях перед зданием. До взлохмаченных шапок гнезд, кажется, рукой подать. Раскрытое окно как бы приблизило ко мне сучкастую крону деревьев. Окно, без переносного смысла, – в природу...

На двух тополях, выросших метрах в трех-четыре друг от друга, – по начатому гнезду. На одном из них сидел – на самом краешке – и зорко следил за “стройкой” грач-”прораб”. Напарник его, сам строитель, находился в гнезде и слушаться указаний не собирался. До всего он доходил своим умом. Раскладывал как надо заранее припасенные хворостинки, поправлял, если ошибался, и только потом принимался уплотнять их, утаптывая. Изредка прерывал работу, заглядывал на своего начальника и ждал как будто бы заслуженной похвалы. Вот, мол, я каков! Всем мастерам мастер!..

Кудесничали над гнездом несколько минут. Но вот “прораб” что-то сказал на своем языке, и они замерли. Взглянули друг на друга и призадумались. “Намаялись работнички, – решил я про себя, – видать, перекур объявили”.

Но я ошибся.

Вдруг парочка поднялась и, ловко лавируя меж голых ветвей, опустилась у пустого гнезда на соседнем дереве. Воровато оглядевшись по сторонам, оба выхватили по прутику и... деру!

“Эхма! Что же это творится? Грабеж среди бела дня! Ах мошенники, ах крохоборы несчастные!..” – возмущался про себя, глядя на разбойников.

Окажись у меня что-либо под рукой, пальнул бы в них без раздумий. “А еще трудяги...” – пристыдил их мысленно.

Птицы между тем совершили еще несколько налетов на соседнее гнездо.

“Мародеры! Пройдохи! До чего докатились...” – не успокоившись, клял я хапуг самыми черными словами.

А гнездо проныр росло и ширилось буквально на глазах – просторное и удобное. Верно, грачиха задумала вывести поболее дюжины птенцов.

Через несколько дней мне пришлось стоять под теми же старыми тополями в ожидании на чем бы уехать. Весна входила в силу. С неодетых деревьев струился, пока еще слабый, запах тополиных почек. Кое-где уже подсохли тротуары, осели вдоль них валы грязного залежалого снега.

Вспомнив недавнюю историю, я поднял голову и замер, ошеломленный увиденным.

Над ранее вчистую разоренным гнездом деловито, без суеты, трудились невесть откуда взявшиеся хозяева. Жилье их было почти готово. Еще немного, и появятся в нем крапчато-голубые яички. Не всегда, видать, верна пословица, что “трудом праведным – не нажить палат каменных”.

Автобуса моего все не было. “Провалился он, что ли?!” – я начал терять терпение, начал ходить взад-вперед по площадке остановки, изредка поглядывая на чернеющих головешками грачей.

– Кра-а! Кра-а-а!.. – несло с окрест.

Будущие родители держали совет, толковали о трудностях, их ожидающих. А на вершине другого тополя заброшенно и одиноко темнело так и не законченное, покинутое вороватыми хозяевами гнездо. Любители легкой жизни исчезли: то ли принудили их уйти, то ли сами улетели искать лучшей доли в других местах.

А, быть может, заговорила в них совесть? Бывает ведь она не только у людей. Впрочем, кто его знает?.. Кажется, у них, крылатых, куда её больше.

Относительность

Приближается весна, и осина становится чем-то похожей на березу. Не замечали? Белее будто бы делается. Не так ли? Еще больше бросаются в глаза эти изменения, когда за спиной осинки молчаливо стоит неподкупной стражей темный сосновый бор.

Что это? Чудачества восприятия, глаза или, или вправду, хорошеет осинка, одевая светлое платье, к весне? И она ли только?

Так или нет, сказать трудно, ведь в мире все относительно.

Относительны высота трав, деревьев, звуков, облаков, способности и таланты человека. Даже гениальность, как высший знак, предел таланта, и та не однозначна.

А разве отдельные страницы биографии каждого из нас не относительно? Можно ли сравнивать страницы о весне, о песнях той поры с осенними?

Ожидание весны

Над тихой задумчивой березкой раскинулась текучая синева ласкового мартовского неба. Теплое рыжее солнце будит ее по утрам и греет днем. И стоит она, стройная, в трепетном ожидании близкого чуда, каких-то необыкновенных перемен. Светящаяся белизна ствола и пониклость ее красноватых голых ветвей выражают и радость, и светлую печаль встречи с неизвестностью.

Что ей сулит будущее? Уныние, горе, грусть неуёмную?

А может, приветливую, как солнечный луч, улыбку?

И похожа она, весенняя береза, на молодую женщину, несущую в себе новую жизнь, свое продолжение. В счастливых глазах юной матери и трепет смутных предчувствий, и встревоженность, и необъяснимая робость.

Береза и будущая мать...

Как бы они ни различались, их роднит вечное и всеильное ожидание весны.

Жизнь даруется...

На самой вершинной березовой ветке трепещет, как крохотный флажок, одинокий пожухлый листик. Хлестали его протяжные осенние дожди, заметали снега, но он упрямо цеплялся за веточку, и готов был выдержать напор и такого ветра, который мог бы сорвать и унести его в неоглядные дали.

Листок, преодолевая испытанья, ждал весну. Ждал долго и терпеливо.

А рядом с ним, пока ничем не тревожила, спала, ждала своего часа маленькая спящая почечка. Однажды в пору прихода весенних теплых дней коснулся ее солнечный луч и она проснулась, почувствовав тепло, зашевелилась. Вскоре ей, малютке, в своей оболочке-люльке стало тесно. Пригретая солнцем, она развернулась и слегка коснулась основы черешка старого листка. И старый, так много переживший, упал. Наконец-то, он, упрямец, осознал: жизнь даруется только раз.

Подтолкнувшая его малютка вскоре превратилась в молоденький клейкий листок.

Солнечные дорожки

Взошло неспеша, увальнем солнце, и мартовский снег в лесу стал полосатым. Сине-лиловые тени дубов и лип перемежались с золотисто-розовыми солнечными лентами. Свет и тень параллельно расположились между собой.

Так и подзуживало: махнуть на все рукой, встать на одну из бесчисленных солнечных дорожек и, повернувшись лицом к свету, отправиться по ней, делая лыжню, в страну Радости и Счастья.

Быть может, оттого, что люди вечно стремились к свету и теплу, и называемся мы детьми Солнца?

Счастье

Почему-то я всегда был уверен, что “свой” неповторимый голос присущ только человеку. У одного бас, у другого нежный тенор, у третьего... По нему, не глядя, можно отличить поющего-говорящего одного от другого.

У всех петухов, не сомневался, песня одна, и все они во всей деревне горланят на один фасон. Одинаково, думал, каркают все вороны, стрекочут все сороки, радуют слух соловьи.

...Неожиданно тенькнула синичка.

Я прислушался. Неужто она?

Птичка выводила весеннее “тини-тини-тини-и-и...” с таким своеобразием, что я сразу не поверил. Пела она будто бы чуть-чуть с картавинкой, но с большим изяществом, вдохновенно растягивая финальную ноту. “Может, пересмешничает?” – заподозрил было я её.

Ошибся. У синицы, как и у любой певички или певца, просто-напросто оказался хорошо отличимый от других тембр.

“Счастливая!” – не удержался я от похвал, тронутый ее песней и своим “открытием”. Счастье-то, действительно, какое говорить и петь своим голосом, данным тебе богом! Но иногда оборачивается оно... Имеющие его, будь он неповторимо красив или не столь уж, но “свой”, нередко расплачиваются за него притеснениями, разными неудобствами и даже, бывает,.. головой. Вот ведь оно как.

Дим! Дим!

Снег сходил. Звонкая капель с застрёх на теплые края смотрящих крыш исподволь переместилась на северные.

Жив-жив, жив-жив! – победным голосом заявил о себе мне воробей с подоконника. – Зиме конец! Зиме конец!

Дим-дим! Дим-дим! – услышал позднее, солнечным майским утром. На этот раз он пытался, как мне показалось, завязать задушевный разговор с каким-то, лишь ему знакомым, Димой. Приветливости, живости в его “дим-дим” было столько, что хватило бы, – пришел я к мысли, – на весь вольный свет.

А совсем недавно, выходя из дома, будто стеганул по уху дерзкий голосок с березы у крыльца:

– Тип-тип! Тип-тип!

Я опешил.

“Что-что? – чуть не слетело у меня с языка. – Так сразу и “тип-тип”! За что? За какую провинность? Или это не в мой адрес?”

Успокоился. Ведь “тип” – это не только злой, отвратительный, наглый... Слово имеет и иное, совсем другое смысловое значение. Однако интонация говорила о первом. Знать, не в духе был крикун. Обидел, верно, кто-нибудь. ...А, может, я сам был в состоянии меланхолии? Ведь язык природы – что музыка. Одна и та же мелодия, фраза отдельная из нее, может восприниматься по-разному. Все зависит от настроения, от того, чем живет, чем наполнена твоя душа.

МЫШЬ И “МЫШОНОК”

Лыжню пересекла аккуратная строчка мышиных следов. Острозубая держала путь от лесного колка куда-то в открытое поле. Куда она собралась? Чем-то поживиться или, быть может, в гости к другу?

Направил лыжи вдоль “шва” по снежной целине. Эка! Смотри-ка! Встретилась с другой! Вот так вот! А чего удивляться? Во дворе март. Синева неба дышит весной. Её свет и тепло, льющиеся с высоты, расшевелият любого соню, благословят на любой подвиг.

Оторвал взгляд от места встречи с другом и взглянул назад. “Столько пройти!” – восхищенно сказал про себя. Дока, видать, путешественница по снежной пустыне.

“Сколько мне, как она, пришлось бы мерить? – неожиданно навестила мысль. – Одолел бы такое расстояние?”

Повернул в сторону остожины, до которой было чуть-чуть. Сел на дышащую паром солому. Достал блокнотик, ручку. Взялся за цифры. Не верилось и самому: по мышиному размаху, по сравнению с её массой, мне пришлось бы нести, пыхтя и потея, свои килограммы пятьсот километров! Нести по бездорожью, по снегу, по лесам, оврагам... Сколько дней потребовалось бы потратить на этот “круиз”, считать не стал, и так ясно.

Вот так! Нечего нам кичиться, нечего нос задирать. Мы не мы... По сравнению с мышью, мы – мышки.

Мать-и-мачеха

Отщипнул лопушистый листок и положил верхней гладкой стороной на теплую ладонь. Колючий холодок обжег мне руку.

“Да-а, не зря тебя нарекли мачехой, – подумал я. – Во-он каким холодком от тебя веет...”

Через минуту я перевернул листок и словно кто-то прикоснулся к ладони мягкими теплыми губами. Пришлось гнев сменить на милость. В душе зародилась надежда, а затем уверенность, что никогда, никаким холодом не остудить тепло земли и солнца, не заглушить пения жаворонков и детский смех...

Вот и держу на открытой ладони: искренность, тепло материнского сердца и холод равнодушия, и отсутствия сочувствия к ближнему.

Ах, ты, юность...

Вчера под вечер выпал снежок. Зима напомнила о себе. Похолодало. Как-будто и не самая красивая пора весны. Но черемушка под окном знать не желает о капризах неба! Словно и не припорошена снежком. Её белые кудри-соцветья белее его. Этим как бы спорит-насмехается над облаками. “Не пугайте, ничуть, нисколечко не боюсь ваших угроз. Знаю: от майских холодов слезы не леденеют, все пройдет, все будет хорошо”, – шептали под тяжестью снега черемуховы листочки и кисти распутившихся цветков.

“Смелая” – назвал про себя деревце, глядя на него в окно солнечным утром. Смотрел на купающуюся в снежной купели с любовью и чуть-чуть завистью. Меня тоже когда-то пугали и скрипучие морозы, и ветры, и дождь с градом. И тоже вместо боязни весело играл с ними. Разве пора цветения, пора буйства чувств признает их! Разве считается с ними? Ах, ты, юность, годы нежных песен! Для тебя... всё нипочём!

Вечный должник

Гуляя как-то майской порой по лесу, я бросил взгляд на вершины стройных длинноногих лиственниц, возвышающихся над молодыми дубками и кленами, и от удивления остановился.

Что это? Не мираж ли?

На фоне небесной лазури вершины деревьев ярко сияли серебром! Мелкие однолетние веточки-побеги, стоявшие прямо, как свечи, светились таинственной белизной.

Иней в разгаре мая?..

А может, тянется над кущами дубков узкая полоса белых облаков?

Скоро я догадался, что подобное чудо возникло от наложения трех цветов: синевы неба, белизны лиственничных ветвей и темно-бордовой окраски кроны дубков.

И откликнулась душа на увиденный “мираж” искоркой состояния блаженства. Но, к сожалению, она мгновенно погасла. Вновь грусть и неудовлетворенность чем-то овладели мной. Я снова почувствовал себя вечным должником у этой красоты.

Всегда ли, право же, мы достойны ее?..

Миф и правда

Заросший кустами черемухи, бересклета, жимолости... лесной овражек.

Забыв про все на свете, здесь состязаются, радуясь началу утра, хмельные от черемухового духа и весеннего настроения соловьи. Говорят их песня складывается из семи “колен”. Попробуй, подсчитай! Где-то неподалеку неторопливо, совсем по-семейному, переговариваются дрозды. “Чэ-чэ-чэ”, – доносится из зарослей их скрипучий голос. Пробует свою свирель горлица. Птицы, воздух, нежная зелень, безоблачное небо с улыбающимся солнцем... – все все заняты священным делом обновления.

Чем не рай этот майский лес?

Разница может быть лишь в одном. Эдем, по библейским сказаниям, находится на небесах. Здесь якобы души праведных, испытавших горе, лишения и жертвы в мирской жизни, обретают, наконец, блаженное существование.

Да нет же, не на небесах, не за облаками, какими бы они ни были, не за холодным блеском звезд тот таинственный край! Вот он – перед глазами, рядом, вокруг нас. Блаженствуй! Пой Песню Радости!

Природа-мать задолго до рождения человека, будущего царя, как он себя потом назвал, приготовила ему бесценный подарок. Вручая его, она предостерегала: “Обживай, сын мой, этот рай, этот сад радости и забудь, навсегда забудь о грешных помыслах – превратить мир этот в ад”.

Нет, не послушался сын. Возомнил себя выше Бога и забыл о священной заповеди матери. Так и норовит, так и норовит из рая сделать ад. И во многом, к нашему несчастью, уж преуспел.

Неужели так трудно избавиться от мотовства, от болезни беспредельного потребления и жадности?

Синяя песня

Широко размахивая голубыми крыльями, гуляет по просторам, улицам, дворам ветер. Он влажный и тёплый; в его завыванье слышны призывные голоса наступившей весны. Всего лишь за день-другой, благодаря стараниям “гуляки”, образовались синие лужицы. На них с завистью смотрело, и в них рассматривало свое лицо, прихорашивалось, хохочущее солнце.

Навстречу мне, семеня шагом, шла невысокого росточка, статная девушка. Одетая она с головы до ног в синее: синью отдающий тёплый платок, синее, не по сезону легкое, пальто, синие сапожки, синяя легкая походка...

“Смотрите, – возникло желание сказать во весь голос, – сама небесная синева спустилась к нам!”

Не выдержал, не стыдясь, посмотрел в синие глаза весенней богиней идущей девушки. У-уйк – прошла по мне теплая струя от её ответного синего взгляда. “Скажи-ка, ты, мое солнышко, ты не Женщина неба?” – чуть не выпало с губ – не обратился проходящей мимо сини.

С неба или еще откуда пришла она, но кто-то так и называет её – “Мое нёбушко!”

Кто-то...

А как мне её называть?

Пускай останется в моей памяти “синей песней”.

Кто за чем...

Сегодня вербный день – древний календарно-обрядовый с интересным содержанием народный праздник.

Ликует помолодевшее солнце, шуршит под ногами зернистый, потяжелевший от воды снег. Погожая погодка заманила многих, от малого до старого, на свежий воздух – на лесную прогулку.

Меня обогнал мужчина. Он невысокого роста, но коренаст. Одет по-походному: защитного цвета куртка-штормовка, резиновые сапоги, спортивная шапочка. Походка уверенно-размашистая. Шел он и все вертел головой, зыркал колючим взглядом по сторонам.

“Уж этот-то своего не упустит, можешь быть уверен...” – почему-то нехорошо подумалось о человеке.

В одной руке у незнакомца хозяйственная сумка, а в другой – маленький, поблескивающий лезвием топорик.

“Не за вербой ли мужик двинулся?..” – осенила догадка.

Поглядывая на шагавшего впереди, на его топорик, который покачивался в его руке, словно маятник, я подумал: “Мало ли чем привлекает людей лес! У каждого что-то да свое. У него вот топорик, а у меня в кармане – записная книжечка. Так, на всякий случай”.

В догадках своих я не ошибся. Выходя из лесу, я встретился с женщиной с зыркающим взглядом снова. Он настороженно глянул на меня и прошел мимо, волоча большую сумку вербных веточек.

В канувшие в прошлое столетия старейшины селения, по просьбе Вирьавы (Покровительница леса по эрзянской религии.) , этому мужику за его “предприимчивость”, спустили бы штаны и... Так было в прошлом. До прихода на эту Землю Иисуса. А теперь?

Чуткость

Сумерки сгустились, и вслед за ними хозяйкою вошла в чашу ночь. Вошла молчком и не спеша. Чуть-чуть подождав, бережно затеплила первую, пока робко мигающую свечку-звездочку.

Высунул я из спального мешка голову и слушал, пока не сомкнулись веки, признания кукушки. Где она, печаль твоя и отрада? Что не откликается на твои столь страстные призывы? Уймись, оставь свои песни на завтра, спать пора. С тем и, закрыв мешок, заснул.

Это была моя первая ночевка в лесу. Первая в жизни ночевка под кустом, под стерегущими меня деревьями, под украшенным звездами одеялом темного неба. Романтика...

Проснулся вместе с ранним майским рассветом.

Не во сне ли все это?

В немом молчании стоят надо мной, будто услужливые няни над коечкой младенца, чуть-чуть одетые в зелень липы.

Лежу на своем ложе из хвороста и старой сухой листвы и слежу, рассматриваю зеленые кружева весны над собой. Как там, на высоте? Не опередил меня, не проснулся ветер-верховик? Не собирается будить молодую листву?

Нет. На верхнем этаже тишь. В ожидании нового дня не шелохнется ни одна веточка, ни один листик.

Покой и здесь – в подлеске.

Лишь золотисто цветущий колосок лесной осоки, сидящий на былиночке, словно на тоненькой шейке, с дружеской приветливостью кивает мне.

Я внутренне улыбнулся и покачал удивленно головой: гляди ты, какой он шустрый! Я не чувствую дыхания леса, а он, желтый колосок, – пожалуйста, как стрелка прибора.

Нет, не заело меня, не обиделся на доброго малого. Разве он, дитя природы, виноват, что я такой нечуткий? Изумился и в то же время обрадовался я другому – дивному совершенству этой неприметной травки и всего сухого вокруг. Вон и дымок с пепелища вечернего костра вьется-тянется вверх, и не качнется, а колосок, так красиво опушенный золотистой пылью, кланяется, как закадычному другу. Мне бы чуть-чуть от характера его, чуткости, но только не умения кланяться, нет.

Где цветет чистодуш?

Каких названий среди растений только нет!

Есть чистик, встречается чистец и, даже, чистоуст королевский. Кроме них по лесным опушкам выглядывает из-под кустов знакомый многим желтоглазый чистотел. Говорят, желтое молочко, содержащееся в тканях, хорошо выводит бородавки. Славится он, как снадобье, и от многих других болезней. Встречается не только в лесу.

А вот ... чистодуша, сколько я ни рылся в лечебниках и определителях, так к моему горькому сожалению, и не нашел. Зря столько времени затратил. Нет, значит, его и нечего было искать! А жаль...

Принял бы страдающий душевным недугом несколько капель настоя этой травы, попил день-другой – и хворь долой. Грустный бы повеселел, а ушедший от тоски и скорби в себя, поверил в свои силы и сделался общительнее. Еще несколько капель, и у неверующего, унывающего развеялось бы угрюмое безверье.

Где цветет чистодуш? Где искать цветок с таким названием?

А надо ли, если подумать, искать, как вещую птицу Гамаюн?

Разве эти лиловые разливы медуницы и чины душистой меж черных стволов деревьев, вот эта лесная полянка, окруженная семейкой берез, не те самые желанные врачеватели тела и души?

С какой стороны помотришь

Ручеек от тающего снега успел проторить себе руслицо и принялся разыскивать свое потерянное, как он считал, счастье. Стремился встретиться, не теряя зря времени, с себе подобными: спастись от одиночества.

От глины или, быть может, от торопливости, суеты он имел светло-коричневый цвет и был мутным.

“Откуда это он бежит, как заяц, вприпрыжку, из каких далей?” – задумался я и посмотрел в сторону его истока, как раз – в сторону солнца. Мутный, коричневатого цвета ручеек, несущий соломенный мусор, ... не узнал. Играя с солнечными лучами, переливалась, текла, звеня, не вода – текло, журча, жидкое живое золото.

Вот так бегущая по водомоине грязнуха превратилась в золотящий, радующий глаз ручеек.

Нередко так бывает на земле, в жизни нашей: помотришь с одной стороны – одно, помотришь на то же самое с другой точки – увидишь другое. Знать, не случайно родилось выражение: “Смотря с какой стороны посмотреть!”

Открытие

Налил я в чайный граненый стакан воды и посадил по веточке ольхи, орешника и вербы. Положив на стол чистый лист бумаги, поставил его на неё. Комната, где я на время остановился, обрела, показалось, другой вид, стала уютней.

На другой же день мои веточки-малютки зацвели. Я слегка постучал по ним карандашом, и на белый лист бумаги нежно-золотистым облачком опустилась пыльца. Приподнял стакан и от увиденного внутренне улыбнулся. С листа немигающим взором смотрело на меня окруженное желтой короной белое солнце! Смотрело ясно и доверчиво спокойно.

Пыльца у орешины с ольхой – светло-желтая. Такого же цвета она у ржи и картофеля, такая же у огурца, яблони, лебеды, лопуха... Пыльца желтая, а листья же почти у всех растений, неважно откуда они, – с юга или с севера, – всегда зеленые. Лишь оттенками различаются.

О природе зеленого цвета листа знает любой школьник.

А пыльца? Почему она желтая даже у черной розы и черного тюльпана?

Ответ, при желании, найти нетрудно. Стоит порыться в справочниках или обратиться за помощью ботанику, и он будет найден. Но зачем? Какая в этом надобность? Ведь всезнание – не есть еще знание. Если чувствуете душой свое родство с природой, если ваш взгляд на неё свеж, светел и честен, то вы поймете, что пыльца – это мельчайшие осколки солнца, что эти желтые пылинки – плоды его живительного, дарующего радость дыхания...

Вот и вся тайна золотого свечения пыльцы.

Разведчица

Подошел я к окну и увидел маленькую пичужку. Она легкой тенью мелькала вдоль высоких, освещенных обеденным солнцем домов. Исчезнет – снова покажется, исчезнет... так и челночит.

“Уж не ласточка ли? – обрадовался я догадке. – Она, похоже... Но ведь зима все еще хорохорится! Вон как снежком припугивает...”

– Лена, Лен! – все еще сомневаясь, кричу на всю квартиру дочери, готовящей в соседней комнате уроки. – Беги скорей ко мне, касатки вернулись!

– Ну и что? – прибежав на мой зов, переспросила дочь с безразличием. – Я ее еще позавчера приметила. Все вдоль стен восемнадцатого дома летала. Правда...

– Позавчера? А не рановато ли? И тепла-то по-настоящему не было. То зима, то отзимки..., – наблюдая за пташкой, пытался возразить дочери.

– Не-э, нисколько! Нам вчера Нина Павловна почти весь урок рассказывала о ласточках. “Удивительная, дети, эта птичка, удивительная!” – запомнила еще ее слова. Ой она и любит их! Правда...

– Она не говорила, когда ласточки со своих “курортов” домой, на родину, возвращаются? Не помнишь, а?

– Рассказывала. Ой, когда же, правда? Вот только... Чур – вспомнила! Вспомнила. В середине мая. Вот когда!

– А сегодня?

– А сегодня, папонька, – апрель, девятнадцатое.

– Вот именно! Как же тогда это понимать, милая юннатка?

– Не знаешь? – от удивления вытаращила глаза Лена.

– Нет, – немного смутившись, признался я.

– Это разведчица, папа! Ее послала стая. Проверить: тепло здесь у нас или холодно.

Правда...

– Разведчица? – не сразу поверил я. – Не шутишь, затейница?

– Не-э, – ответила, тряхнув косичками, дочка и убежала к себе.

А ласточка-посланница все летала вдоль южных, пригретых солнцем, стен пятиэтажек. Вся надежда у нее, видно, на солнцепек. И теплее там, и мушки-букашки раньше оживают, охотиться-кормиться можно.

Птичка летала медленнее, чем обычно. Устала. Еще бы! Преодолеть такие расстояния, а тут еще эта заваруха с метелью. Угодила в переплет.

Весну, гласит поговорка, начинает ласточка, а соловей ее заканчивает.

Только дождется ли храбрая птичка весеннего тепла? Выдержит ли эти испытания непогодой ее маленькое сердце? Кто не знает, чем нередко кончают разведчики?

Дождик без дождя?

Порыв бродяги-ветра пролетел, бормоча о чем-то, над осинами и поспешил догонять своих.

– Цо-цо-цо – донесся в ответ с земли.

Дождинки?! Откуда им быть с такого ясного неба?

Оглянулся вокруг.

Снег спрятался до следующего снега. Прежде чем уйти, прошлогоднюю палую листву так спрессовал, так отутюжил, как-будто под деревьями постелил кошму с палец толщиной.

Сухо и тепло. Самая светлая пора леса. Светло, жизнерадостно и на душе.

Ш-ш-ш-ш – снова птицей пролетел лесом верховик.

Цо-цо-цо – снова слышу с “кошмы”. Можно подумать, кто-то – не ветер ли? – кинул горсть горошин.

Инешкипаз* , это что за чудо?

Наконец-то расколол орех.

Так шутил-насмехался надо мной озорной ветерок. Он расчесывал деревья, осину и кидался в меня ставшей ненужной скорлупой почек. Долетая до сухого плотного покрывала, они издавали звук падающих дождинок.

Сухой дождь...

Кто знает, может из таких шорохов, переборов “горошин”, из такого “сухого дождя” и начинался первый на земле словесно-речевой язык?

Сколько не читай...

Положил сумку в угол отведенной мне комнаты и вышел на крылечко.
Лес в двух шагах. Сосновый. Надо мной зеленая крыша. Ветер-вольнолюб тихо покачивает вершины деревьев.

Цок-цок-цок!.. – донеслось сверху.

Ой, да кто это?

Оглянулся. Ничего не видно. Успокоился.

Цок-цок-цок!.. – услышал снова.

Какой-то зверек язычком пламени метнулся на вершину сосны.

Так, это же белка!

Зверек перепрыгнул на вершину соседнего дерева и, как выскерк молнии, по его комлю спустился на землю. Не успел я моргнуть глазом, он уже был на голом, без листвы клёне рядом. Рыжехвостая сноровисто и дотошно обнюхивала толстые сучья кленка.

Что за чудо? Что выискивает?

На другой день в это же время клен навестил другой обитатель бора – дятел. Он тоже “колдовал” с клёном.

Я стоял на приступке и следил, ждал, чем это кончится.

Птица осмотрела, проверила сучья и принялась стучать по ним.

Вот это новость! Зачем это ему?

Дятел улетел.

Я подошел к магнит-деревцу. Протянул руку и нагнул, сколько сил хватило, одну ветвь. Сколупнул ногтем кору. Здоровая кора, здоровое дерево! Червячками тут и не пахнет. И не ищи. Чем же тогда приворожил кленок белку с дятлом?

Прошло два-три дня.

Шагая по апрельскому светлому лесу, я наткнулся на невысокий, но раскидистый клен. День солнечный. Не было дождя и в предыдущие дни. Почему же тогда деревцо мокрое, будто под дождь попадало?

Наклонил, как и два дня назад, ветвь и облизнул кору. Ого! Сладко. Коснулся еще раз языком. Вкусный сок! Свежий. Вот почему, – стало мне понятно, – понравился “раскудрявый” перед моим крыльцом белке с дятлом.

Недаром говорят: лес – бесконечная книга, сколько ее ни читай – не прочитаешь. Сегодня вот открыл и прочитал еще одну страничку. А подсказала её открыть – белка.

Песнь любви...

Над головой черной точкой виднеющийся жаворонок, немного спустившись, неожиданно прервал песню, сложил крылышки и камнем опустился на землю. Навстречу – удивило меня – с густой травы поднялся дугой.

“Вон кому ты, петушок, так самозабвенно журчал с поднебесья, вот кому посылал с высоты хрустально звенящие рулады!”

“Песнь любви! – невольно выпорхнули с языка слова. – Неужели, в самом деле, петить их лишь владыке природы?”

Птицы несколько мгновений играючи полетали друг за другом и исчезли в зелени луга.

Песнь любви...

Звонкая она и чистая как утренний воздух над рекой.

Оглянулся по сторонам.

Над горизонтом беззаботно играло лучами молодое солнце. В ответ на его доброту мириады росинок на листьях моргали радостным разноцветьем. А из туманных далей прожитого пришла и вспомнилась невзначай мелодия одной из любимых песен молодости.

*Жаворонок вейся,
Вейся надо мною.
Моё сердце полное
Любовью и тоской.*

Отчего?

Дождь с вечера так и не собрался. Спокойный и по-весеннему теплый, он освежил землю лишь перед самым рассветом. Сделав свое, облака вскоре рассеялись и небо засияло обновленной синевой.

Рано утром, распахнув окно, я выглянул во двор и удивленно от увиденного покачал головой. Ну и ну...

Луговина, только вчера покрытая тонким одеялом из серенькой прошлогодней отавы и пожухлых тополиных листьев, нынче изумрудно светилась молодой травкой. В лучах проснувшегося солнца на ней алмазными россыпями сверкали дождевики. Всего лишь короткая, как легкий вздох, апрельская ночь с теплым дождичком, и картина под окнами изменилась до неузнаваемости.

Увлеклась художница! В порыве вдохновения она прошлась зелеными красками, почудилось мне, даже... по штакетникам ограды вокруг. Совсем-совсем вылетело у меня из головы, что здесь вчера день-деньской трудились женщины-маляры.

Полянка перед домом сразу же сделалась просторнее и ласкала взор своей ухоженностью.

Стоял я у настезь открытого окна и, омываемый свежестью весеннего воздуха, восхищался этим очаровательным творением "утра года".

Каждый из нас от природы по-своему талантлив, как талантлива озорная, вечно юная художница Весна, каждый.

Отчего же – выяснить бы – этот божий дар так часто увядает, так и не успев распуститься? Отчего? Что или кто повинен в этом?

След доброты

Я совсем не узнал вербочку, мою давнишнюю знакомую. Вместо цветков – восково-желтые, почти прозрачные пятна. И словно – ни ствола, ни ветвей, лишь невесомые солнечные шарики. Да уж вербочка ли эта? Всего неделю назад только собиралась цвести, а сегодня и не узнать! Да, природа отсрочек не знает. Всему у неё свой час.

Солнечно, но небо пошаливает севером. Знобит от колючего ветерка.

Подняв воротник куртки и нахлобучив поглубже кепку, я подошел поближе. Ну, здравствуй, моя пригожая! О-о, да к тебе тут всем миром пришли на помощь. Вьются среди ветвей и перетянутые желтыми кушачками добродушные шмели, и дикие пчелы. А вон и дивная бабочка “павлиний глаз”! Пчелы, осы, крапивницы... Собрались тут у тебя от мала до велика. В благодарность за помощь – первый нектар. Разве от него кто откажется?

На одной ноте гудит на разные голоса вербное, лимонно-желтое облачко. Дирижирует этим дружным и слаженным ансамблем много знающий-понимающий северный своевольный ветерок.

Прошло больше часа. Нагулявшись, тою же лесной, усталой прошлогодней листвой тропинкой возвращался домой. Вышел на опушку и снова встретился со своей приятельницей.

На веточке вербы, с наветренной стороны, трепыхался на ветру... белый листок бумаги. Откуда он? Я подошел к кусту и дотянулся до листка. Чьей-то рукой было на нем выведено фломастером: “В свой час – своя поэзия в природе” и чуть ниже добавлено – “Китс, англ. поэт”.

Я улыбнулся и мысленно приписал к сказанному поэтом: “И дай же бог, чтоб истоки этой поэзии были бездонны, а час бы этот длился дольше века...”

“Заговорят и облака...”

Старость, говорят, – не радость. Верно. Верно вместе с тем и это: старость – не есть один, как миг, день. Путь у седой реки долог. Встречаются повороты и раскаты... Жеманящимися, улыбающимися будут видеться цветы вокруг. Заговорят с тобой облака. За восход примешь закат. О таком полыхании чувств так говорят: “Иной седой и черноволосому маху не даст”.

Прошлой осенью встретился, шастая по в золото одетому лесу, с осиной. На вид ей – лет сто. Для неё и её племени это немало. Одряхла сердечная. Её допекал гриб-трутовик, долбил, весь продырявил, “лесной санитар” – дятел, не забывал точильщик. Казалось, – все в прошлом. Но...

Пришла весна.

Вай! А это что?

Моя прошлогодняя знакомая старушка-осина накинула на голову и плечи такую с узорами и бахромой шаль, что не сразу и узнал! Чуть от удивления не очумел. Скрипит, кряхтит, постанывает, а сама, вслушайся только, песню молодости завела! Вот тебе седая!

Вай, ты, воля-волюшка...

После ошалелого апреля в леса и рощи заглядывает зеленая тишина. Зайдешь в чащу и покажется тебе: попал в дом, где всё готово к встрече Великого Дня. Выметено, убрано, вымыто...

Брожу, люблюсь переменами. Слушаю тишину.

Куда ни гляну, взор упирается на украсившиеся в нежную зелень дубы, липы, клены, вязы... Синью полощат под ними полянки медуницы и чины. А вон подмаргивает желтыми глазами дубравница весенняя! Красиво... Кажется, края ей нет, красоте этой, и уж никогда-никогда не выбраться мне из её окружения, навсегда остаться пленником.

Неожиданно деревья и кусты расступились. Как будто распахнулись половинки дверей, и я вышел, утомленный лесной теснотой и всем увиденным, к обочине просторного колхозного поля. Встретил ласковый ветерок. Он нежно, с любовью, тербит волосы, гладит лицо. Поле, поле... Не за просто так родным величали!

Зеленеют передо мной, радуют глаза яровые всходы. Стою и люблюсь открывшийся ширью. Такое ощущение, что вышел из тесной душной избы на крылечко.

Все не верилось: неужели правда, что и красота может запирать на замок? Неужели и она может стеснять душу и даже приносить несчастья?

“И день, и ночь, и день и ночь...”

Неожиданно сотней голосов галдящие-поющие пернатые замолкли. Как, по поговорке: в рот воды набрали. Как будто кто предупредил. На полянку пришла тишина. Даже комариный гуд над ухом показался гулом реактивного самолета.

Что случилось? Кто дал команду вышивальщицам звуками замолчать?

Я рассудил так: что ни говорите, надоедает иногда и любимое занятие. Как бы ни был, одержим чем-то, отдохнуть надо. Необходимо. На зуб тоже что-то надо положить. Вот славящие весну и объявили обеденный перерыв. Зеленый май шагает не день, и не два. Разве выдержишь без отдыха?

Это только сердце не знает перерывов. Оно, и только оно, не зная что такое “покой”, трудится и день, и ночь, и день, и ночь. Трудится от начала и до конца.

И было мне стыдно

Кроме комариного писка слух уловил чей-то еле слышный стон, жалобу. Сквозь заросли кустарника двинулся в ту сторону. Вышел к ручейку.

– Уф-уф – встретил, вздыхая, ручеек шириной с палец.

– Что с тобой, что?

– Или ослеп? Разве не видишь? Уф-уф...

– Нет, ничего не заметил.

– Так и есть: бельмом затянуло твой глаз.

– Ну, ты уж, ну не груби...

– Глянь по руслу. Да-да, вон в ту сторону.

Посмотрел.

Действительно, чуть поодаль виднелась нечто на подобие свалки. Ржавые жестянки, банки, бутылки, битое стекло, бумага... Стоит ли все описывать? Кто не знает, кто не встречается с такими следами “отдыха” “образованного и культурного”?

– Вы чаще языки точите о безотходных производствах, а на деле.., – продолжил мое “просвещение” ручеек с чистыми глазами.

Язык онемел. Не знаю, что и сказать.

– Ну, ыдь, – наконец-то пробормотал что-то невнятное в свое оправдание, глядя на жалующегося.

– Ты и сам не знаешь, что мелешь, – прожурчал или пробурчал ручеек, сердясь на меня, – Не юли, не лисица, говори правду. Разве не знаешь, в чем дело?

Мне стало стыдно.

Уф-уф... – вспомнились предсмертные, последние вздохи матери.

Равны. Да?

Дети дерева – листья. Для него все они равны, все родные. Это так. Но от судьбы, сколь не крутись, не спрячешься. Одни “дети” на свет божий появляются в одном месте кроны, другие – в другом. С одной стороны юг, солнышко, с другой – полуночная сторона с её суровым дыханием. Судьба...

Кому где привольнее?

Ль-ль-ль... – задрожали-заплакали листья осины.

Порыв ветра, на кого-то сердчая, проскакал сквозь сеть ветвей. Первыми потрепал листья с той стороны, откуда он подул. “Удар” приняли крайние. Досталось и другим, но не так. “Жители” противоположной стороны кроны лишь расшевелились. Некоторые из них даже косо поглядывали на первых. “Чего они лопочут, чем недовольны...”

Ветер умолк. Кто-то из “тыловиков” закричал на весь лес: “Мы все равны, мы все равны, мы всегда вместе!”

От этих слов, услышанных мной, или ещё отчего-то, небо затянулось густым слоем темно-мрачных облаков и средь бела дня опустились сумерки.

У каждого свое сито

а глаза попала, с горошину, капелька. Она сверкала на листе всеми цветами радуги. Метала она, словно кого-то дразнила, красные, синие, зеленые искры.

Но вот стебелек травы отчего-то вздрогнул, и похожая блеском на ртуть капелька упала. Была – нет. Пропала. А мысль? И она тоже: зародится неожиданно-негаданно и тут же исчезает. Назад, снова, если не успеешь сделать о ней заметочку, уже не оживишь. У каждого за годы жизни нарождается и умирает их бесчисленное множество. Философски глубокие, легковесные, что мякина, светлые, темные, злые... Останутся на сите более крупные и, как желуди, ядреные. Но с “мукой” через мелкие ячейки могут проваливаться и золотом сверкающие бисеринки. Надо и об этом помнить.

Потому с почтением, с великой благодарностью отношусь к собирателям слов-мыслей. Они находили и клали свои находки в красивый и несказанно ценный тусок. Его, этот тусок, кто-то из мудрейших назвал Книгой.

Рубим не сук, а...

Сильнее многих-многих Рим рухнул от трех бед: разбои-грабежи покоренных народов, лень и мотовство, аморальность знати.

Зачем, казалось бы, поднимать толстый слой пыли ушедших веков? Что это даст? Зачем, какой толк – оживлять мертвые времена?

Надо. И вот почему.

Эта пыль – компас. Стрелка его показывает, каким настанет завтрашний день обитателей Земли. Неужели позорно-гадки дела правителей Рима не урок и для нешних? В те сквозь густой туман видимые годы распадались и возникали государства, страны, исчезали и рождались народы. А теперь? Теперь перед угрозой разрушения стоит земная цивилизация.

Интересы, устремления человека – поесть, поспать и плодиться – за истекшие тысячелетия почти не изменились. Никак не насытится! Никак не может себе сказать: всё, хватит! Вот беда человека, и эта беда ведет его к гибели. Свои животные потребности удовлетворяет из, как оказалось, несметных запасов кладовых Солнца. Выдаивает природу, которую, не слыша голоса сердца, успел уже назвать окружающей средой. Выдаивает, не задумываясь о завтрашнем дне. Потому и висящий над нами, над всем человечеством, топор опускается с каждым днем всё ниже и ниже.

Мы, дети Земли, рубим сегодня уже не сук, на котором сидим, а питающие всё дерево корни.

Красная книга

Раздвигая ветви, пробираюсь я чуть примятой, петляющей меж кустов стежкой. Шуршит-нашептывает под ногами старая прошлогодняя листва. Ступаю и не расстаюсь с мыслью: еще шаг – и под моим каблуком оборвется чья-то невинная жизнь – паучка или росточка лесной травы. Откуда, с чего бы эта беспокойная мысль?

Когда я задумываюсь о Красной книге, в которую занесены исчезнувшие и исчезающие виды растений и животных, у меня каждый раз появляется сомнение: так ли уж надежны ее страницы? Можно ли на них полагаться? Где гарантия, что список “усопших” не продолжится?

Еще три столетия назад исчез с лица земли тур, преследуемый людской, не знающей границ, алчностью. Вскоре, вслед за ним, ушла в мир небытия морская корова. Какая потеря для науки, для нас всех! С трудом удалось спасти от истребления бизона и зубра. А ведь охрана нужна не только обитателям лесов и озер. Разве радуга после отступившей грозы, разве мерцание звезд и музыка ветра не нуждаются в защите?

А... языки? Наречия? Народы?

Неужто не опомнимся и не остановимся? Неужели дождемся, к нашему позору, еще одной Красной книги, на языки?

Самозабвение

Дорога круто взяла в гору и вывела меня на старую вырубку. Окруженная густым “спелым” лесом, она напоминала теперь огромный зрительный зал под открытым небом. Здесь теплее и весна проснулась раньше.

В этот звенящий от солнечных лучей день в воздухе порхали, словно живые цветки, бабочки, доносился гуд пчел, неустанно гомонили птицы. Звуки: высокие, низкие, звуки переливчатые, писклявые, нежные... Настоящий, управляемый Весной, симфонический оркестр!

С высоты раздавался, впервые услышал, блеющий голос ястреба. Загадывала кому-то долгие годы кукушка. Её альтовое ку-ку разносилось по всей округе.

Я уселся поудобнее на пенек и достал из кармана томик стихов. Уткнулся было в странички... Но до стихов ли, когда вокруг столько поэзии; до них ли, когда каждая птаха, каждый листик с дерева так и сыплют победными метафорами и рифмами жизни?

Не заметив, сколько прошло времени, я снова было взялся за книгу, но тут же отвлек удивительно знакомый с детства напев...

Над куртинкой лилово-синих медуниц натруженно басил крупный, иссиние-черной окраски шмель. Сборщик раннего нектара дотошно проверял каждую чашечку цветка, заполняя в нее по самую грудь.

Я осторожно поднялся с пенька, сорвал несколько шершавых стебельков и предложил свой букетик шмелю. Угощайся, труженик, авось у меня слаще! Шмель, обследовав наконец-то все колокольца на кулижке, перелетел на... мой букетик. Bravo, старина! Не стесняйся.

Вдел я свои медунички с живой брошкой в прорезь нагрудного кармана и выпятил грудь. Чем не кавалер!

Сладкоежка-шмель продолжал как ни в чем не бывало самозабвенно копошиться в цветках на моей груди. Трудился он, забыв обо всем на свете. Мне даже почудилось, что он о чем-то добродушно бормотал себе под нос. А может, так благодарил меня? Но вот почистил пожелтевшие от пыльцы лапки и от добычи тяжело взмыл вверх. “Спасибо тебе!” – прогудел, мне показалось, на прощанье.

“Счастливого пути!” – я пожелал ему в ответ и подумал: не только люди откликаются на добро добром, на доверчивость доверчивостью, не только люди...

Сон-трава

Посередине просторной поляны возвышалась вековая сосна. Под пологом ее раскидистой густой кроны – узорчатый, песчано-желтого цвета ковер. Соткан он из опавшей хвои, мха и травинок.

На хвойном подстиле – ёкнуло сердце от удивления и радости! – мерцали синие огонечки!

На коротких, не больше карандаша, цветоносах перемигивались между собой какие-то небесно-лиловые цветки.

Дома, заглянув в определитель, я узнал, что это знаменитая сон-трава. Та самая, которую в древности считали колдовской. Собирали ее с различными наговорами и обрядами. Сорвав, опускали травку в холодную воду и держали в ней до полнолуния. Когда же она начинала в воде шевелиться, ее тут же доставали и клали под подушку. Ночью должен был присниться, верили люди, вещий сон.

“Спит она по ночам, головку клонит, тяжелеет от росы...” – вспоминается сказанное о ней Константином Паустовским.

На вечерней заре, когда ночная прохлада успеет заполнить лесные поляны, сон-трава складывает лепестки и, прикрывшись зеленым платочком чашелистиков, закрывает синие глаза. Засыпает она и спит, пока солнечные лучи поутру, словно теплые руки, не коснутся ее. Проснувшись, она умывается студеной росой и раскрывает, словно глаза, лиловые бутоны.

Первая встреча с одним из красивых подснежников, как называют в народе сон-траву, была для меня праздником. Одно тревожило, и тревожит по сей день – крайне редко она встречается, нуждается в добродетели со стороны “хозяина”, в охране и уже занесена в Красную книгу. Разве это не знак беды?

После той памятной встречи прошло несколько лет.

Приехал в знакомые места в улыбочивый погожий день – День Победы. Не мешкая, отправился в лес.

И лучше бы не ходил!

Полянку не узнал. Не застал ни вековой сосны, ни окружавших полянку кустов. Будто смерч, цунами прошел. Может вместо них сам дьявол устраивал пляски смерти? Прежний уютный лесной дом был варварски разрушен.

Дождемся ли мы, сегодняшние, светлого дня Победы над собственным невежеством? Когда настанет это время? Не будет ли слишком поздно?

И заснула сон-трава беспробудным, то и гляди, сном. Заснула оттого, что двигало чьи-то руками, ненасытными желаниями ума сонное сердце.

Проснется ли чудо-трава? А совесть с ответственностью?

Вирьава (1), где ты?

Снег сошел. Солнечно и сухо. В лесу светло и просторно. Этот период недолгий. Так бывает лишь в пору появления крохотных листочков на кустах и деревьях. Скоро они по-настоящему накинута на плечи зеленые платки и хозяйкой во владения Вирьавы войдет жидкая сумеречная темень.

Шныряем меж кустов подлеска, ветвей, деревьев: ищем весенние грибы – коричневоголовые сморчки. Шуршит под ногами стелющаяся ковром прошлогодняя листва. На “смирненную охоту” собрались вдвоем: я – сын Инешкипаза и она – носящая на шее золотой крестик. Чья она дочь, какого бога, народа какого?

– Нашла! – крикнула любительница сморчков. – Иди сюда!

Ничего не скажешь: мастак она искать грибы. Никак не пойму, как она их находит, укрытых кошмой подстила? То ли по запаху, то ли еще как.

Слушая шорох, направляюсь в нужную сторону. Шагаю осторожно. Оглядываюсь, шарю взором по спрессованной снегом листве. Искать-то ищю, но найти, видеть ничего не вижу. Перед глазами, в голове и груди картины надруганного, тяжело вздыхающего леса. Крестнакрест лежащие, гниющие и почти свежие, даже с листьями, верхушки деревьев, сучья, распотрошенные моховые одеяла, пни...

Только называется “грибы собираю”. В голове от увиденного – “каша”, раздумья о делах и деяниях самого-самого “умного”, того самого, кто храм превратил в мастерскую. Подумал-поразмыслил и слово о божьем его предназначении взял в кавычки.

...Вирьава, где, где ты?! Приди, глянь, что стало с дитём Инешкипаза после того, как на его шею напялили крест! Помоги ему и его дому выбраться из дышащего запахами гнили топкого болота. Открой ему глаза, верни совесть. В твою пору, когда ты, справедливости дочь, была владыкой леса, без твоего ведома спилить дуб, сосну или липу считался тяжким грехом, без твоего дозволения в лес входивший веточку не ломал. Уважали, чтити тебя, Вирьава. Теперь же...

Марюш, обладательница иисусого крестика, походив-побродив, с десятков грибочков все-таки положила в кузовок. Глаза её сияют радостью. “На суп хватит!” – повторяла не раз. Я же – ни одного. Да и пусть! Вместо того чтобы расстраиваться, я радовался погожему дню, воздуху, тишине. Казалось мне в лесных звуках, сотворимых нашими голосами, шагами, неземная, украшенная серебряными нотами музыка. Ш-ш-ш.., – ссыпались из-под ног гаммы. Им помогали своим синим взором медуницы. Не знаю почему, но это весенне-раннее растение будило ощущения и воспоминания о далеко-далеко оставленном детстве.

– Хватит! – донеслось сквозь паутину ветвей. – Пошли в сторону дома.

Шагаем по извивающей меж стволов-великанов узенькой тропке. Она устлана бежевого цвета сосновыми иголками. Мягко. Идешь будто бы по ковровой дорожке. Идешь и не чувствуешь ношу прожитых лет.

Почти на выходе из леса, на обочине стежки-дорожки сверкнули синевой три звездочки. Сон-трава! Мой любимый цветок. Мне, казалось, они нас ждали и хотели поделиться радостью поры цветения.

Когда сравнялись с “огоньками”, Марюш, не задумываясь, ничуть не колеблясь, нагнулась, протянула, блеснув золотым колечком, руку и ...с корнем вырвала голубоглазых сестер!

– Ты что делаешь?! – обидевшись, крикнул на нее. – Смотри, какие красивые, какие нежные! Они же нас ждали, хотели...

Слова, мои возмущения потонули в глухоте. Марюш будто и не слышала меня, продолжила как ни в чем не бывало, свой путь.

“Вирьава, где ты, где?!” – продолжало кричать мое сердце.

(1) Вирьава – повелительница леса по эрзянской религии

И звезды покажутся крупнее

Наконец-то пришла самая красивая пора весны. Черемуха накинула на голову белый, хмелеюще пахнувший платок. Старается не отставать от неё вишня, слива. Давненько уж в кустах, репетируя, оттачивают голос, “гоняют гаммы” любители майского пения.

Поперек дороги, идущей вдоль сельской улицы, и по которой я шел, прошла к колодцу статная, невысокого роста молодуха. На ней легкое, без рукавов, с пояском платье. Пока перешедшая мне дорогу наполняла ведро, подошел к ней и попросил напоить.

– Попей, утоли жажду, – услышал в ответ грудной певучий голос. Улыбка озарила и без того красивые черты лица.

Тук-тук-тук – сказало вместо “спасибо” сердце и вместе с тем подумалось: на платье нежно-зеленого цвета – гроздь цветов черемухи, да и сама как будто одетая в белое черемуха...

Приподнял полное ведро и коснулся губами его мокрого холодного края. Вода, мне показалось, пахла запахом черемухи, а вкус – медовый.

– Поклон тебе, доченька! Вку-у-сная водица.

– Легкого пути тебе, прохожий, и светлых мыслей, – услышал в ответ.

“И дышит запахами черемухи”, – заметил, глядя на девушку.

Не так уж и много надо, чтобы почувствовать себя счастливым. С теплотой сказанное слово, улыбка, светящийся взгляд и трудные минуты не покажутся уж такими трудными. Вот и эта встреча, искоркой погасшая. От души сказанных два-три слова, и, гляжу, еще светлее заулыбалось солнышко, зеленее, чем есть, показалась трава, ярче, уверен, как только наступит вечер, засияют звезды.

Незабудка, моя Незабудка!

Хожу-брожу меж цветочных полок базара. Тюльпаны, розы, пучки медуницы, ландыша... Море красоты! Боюсь от благоуханья закружится голова. Задержался возле незабудок. Меж узеньких листочков искорками сверкают нежно-голубые цветочки. Красивы... Каждый букетик посажен в баночку с водой. Возле одной – бирочка с указанием цены.

Поднял от голубеньких звезд взор и оцепенел.

По ту сторону прилавка стояла и смотрела на меня... Незабудка!

От удивления и радости торопливее, почувствовал, застучало сердце. “Быть может, это во сне? Возможно ли такое чудо?” – все не верилось.

Большие голубые глаза, красноватые, чуть припухлые губы, прямой короткий нос... все ее, Незабудкины. Ее же ямки на щеках. Только у нее в нашем селе были такие русые волосы и накинутые на грудь толстые косы.

Передо мной стояла давно ушедшая в прошлое моя пора цветения. Смотрела на меня с недоумением та, с которой когда-то слушали предрассветные песни-признанья соловья, мечтали о будущем, целовались. Бывает же так похожи!

Отвёл взгляд от юной цветочницы, пока та не смутилась.

“Сон это эли явь?” – все сомневался.

– Вот этот пучочек мне, э-этот, – наконец-то пришел в себя и обратился, чуть заикаясь, к продавщице. Денег протянул в два раза больше, чем указано у неё на ценнике.

Моя Незабудка, круглолицая хозяйка, пожав плечами, уставилась на меня. “Зачем столько?” – выражал её взор. “Надо”, – сказал про себя и слегка оттолкнул руку со сдачей. “Вот эту”, – напомнил девушке, указав пальцем на нужную мне баночку.

На прощанье взглянул в глаза продавщицы и подумал: “Какие они голубые, какие глубокие! Омут...” Повернулся, приложил-прижал к груди бесценную покупку и направился в сторону ворот.

Непризнанная красота

Опускаясь с пятого этажа, я невольно останавливался почти на каждой лестничной площадке и любовался видами за окном. Меня удивляло то, что самые непритязательные картины, созданные природой, всегда полны красоты, смысла и гармонии.

Перед домом укрытая желто-цветастым ковром луговая полянка. Ее окаймляют готовые брызнуть цветками и дурманящим запахом сиреневые кусты. В тени их – деревянная, покрашенная в зеленое скамейка. Она словно бы приглашает присесть и послушать, о чем шепчутся ветви.

Я спустился во двор и вышел на полянку. От золотистого сияния цветущего одуванчика на ней рябит в глазах. И где он только не цветет! По обочинам дорог, на газонах, на пустырях... Всюду-всюду лучатся его солнечные глаза! А не они ли символ вечной красоты? Недаром же сказано мудрецом: “Сила побеждает силу, красота побеждает всех”.

Глядя на это желтое буйство, я вдруг подумал: немало сложено песен о калине, ромашке, ландыше, грустны и мелодичны слова “Незабудки”, вспомнили песнетворцы даже о далеком дурнопахнущем багульнике, а вот об... одуванчике... Нет, не балуют его вниманием ни композиторы, ни поэты. А жаль!

Божественным, как величают ландыш, одуванчик, быть может, и не назовешь. Но зато сколько солнечного огня в нем! И если вдруг в мае повеет севером, нагнись, протяни ему ладони и почувствуешь тепло, которое дарит он, не требуя взамен ничего, кроме внимания. И на душе, уверяю, станет легче.

Но у всех самые-самые важные, как каждый считает, дела-заботы, все спешат и проходят мимо. До одуванчика ли? Не хотят, сдаётся, многие-многие разучились видеть и сердцем почувствовать искрящую вокруг красоту.

Первоцвет

Виновата во всем была Медуница.

Это она затеяла переполох. Не успела глаза открыть, синие, как мартовское небо, тут же затрезвонила на весь весенний лес.

– Чур, я первая, я первая!

– Как первая? – подала голос плотная Хохлатка из-под куста жимолости и закудаhtала, как ее тезка – ряба. – Я раньше тебя расцвела! Вот так-то! Вот так-то! Значит, я и есть цвет-первоцвет.

– Ишь ты какая... Тоже мне нашлась! – не собиралась уступать Медуница.

– А чего нашлась, чего нашлась-то? – наседала Хохлатка, повышая голос.

Услышала о споре Сон-трава. Она скорехонько, без колготни, проткнула над собой, как шилом, дерновое покрывало и выглянула на белый свет. Осмотрелась, затем украдкой вздохнула и, не долго думая, надела модную шляпку. Да такой стала франтихой – и не узнать!

– Не галдите зря, подруженьки. Не шумите напрасно. ...Извините, пожалуйста, я опоздала, правда, чуть-чуть. С кем не бывает?! А теперь гляньте сюда. У кого видели еще такую шляпку? Уверена – ни у кого! Такую не встретишь во всем царстве-государстве. Всем цветам я цветок. Так что первоцвет – это я!

Медуница и Хохлатка были прямо-таки шокированы таким вероломством и не нашли сразу что сказать.

– Безобразие! – вступила тут в спор, перебив Сон-траву, грубоватая характером Примула, по отчеству Лекарственная. – Как ты смеешь, какое право, голубушка, имеешь так говорить! Вот мой паспорт! Вот! Видишь? Тут черным по белому написано: Пер-во-цве-то-ва. Теперь-то ясно? Да ну вас всех! Я – первоцвет. Знайте!

– Да? Простите, гражданочка Пер-во-цве-то-ва. Вы на перинах не жились, сладкие сны по зорьке досматривали, а я... Я трудилась, – не выдержала, начала спорить обычно молчаливая Звездчатка, – успела по всем лесам-лесочкам звездочки разбросать. Проспали свое, а теперь всем паспорт под нос суёте. Не верю я печатям. Меня и так многие зовут Первоцветом! Так что...

– Эх вы, “первоцветы”, – неожиданно заглушил базарный переполох густой бас Копытня, со странной фамилией Европейский, – нашли о чем суесловить. Заглянули б, кумушки, прежде в школьный учебник. Сами не кумекаете, о чем трезвоните. Сроду здесь у нас, дабы вам знать, не водились они, первоцветы-то. Знать бы пора, пустомели.

– Как не водились? Это о чем вы? А я? – возмутилась интеллигентная Звездчатка. – А я?

– А я? – напомнила о себе Медуница, зачинщица тяжбы.

– А я?

– А я? – посыпалось с разных сторон.

– Ха-ха-ха... – захохотал с издевкой Копытень. – Ну и ну-у, ну и ну-у, первоцветы называются! Уморили, ой, уморили меня. Да они же, первоцветы, только на юге растут, в горах. За тридевять земель отсюда. А вы? Забыли, начисто забыли, кумушки, ботанику. Иванушка Дурачок лучше вас знал! Ей-богу.

Замолчали. Опустили головки. Или от стыда, или же от обиды.

Тягостное молчание прервала чопорно-важная Чина Лесная. Подошла позже всех. Разве она позволит себе выйти в люди ляпухой неопрятной? На этот раз она заявила вся в изумрудном, увитая с ног до головы гирляндами бело-розовых цветков.

– Слушайте, что вам говорят! – махнула Чина в сторону Копытня. – Я лично не пекусь о кресле Первоцвета. Я хлопочу, собственно, об одной моей приятельнице. ...Медуницу имею

в виду. О ней забочусь. Она, я скажу, самая-самая расторопная. И зеленеть начинает раньше всех, и цвести. Вот ей и надо присвоить титул Первоцвета. Вот и весь сказ.

Желающие занять почетное место Первоцвета судили-рядили до хрипоты. Только толк какой?

Молчали скромные, в блестках молодых листочков, березы, вековые липы, дуб...

“Пусть себе разбираются”, – выражали их молчание и настороженность.

Когда галдеж вспыхнул с новой силой, услышал его лесник. Как раз в это время он совершал свой каждодневный обход. “Что за ералаш? Что за ярмарка на весь достопочтенный лес?” – удивился страж леса и решил заглянуть на полянку.

– О чем это вы, красавицы мои лесные? Что не поделили, любушки-голубушки? – выйдя из-за кустов орешника, обратился он к шумливой публике веселым бодрим голосом.

Полянка словно онемела.

– Да вот, – первая осмелилась нарушить паузу раздраженная Примула Первоцветова, – не знаем, не решим никак – кто же первая из нас просыпается по весне. По фамилии-то – я. А вот народ не соглашается.

Она опять стала показывать свой паспорт в ярко-желтой обложке; показала и леснику.

Хозяин леса мельком взглянул на первую страничку, многозначительно, с лукавинкой улыбнулся и, ничего не сказав, вернул его. Немного погодя провел ладонью по щекам, будто вытирает пот, и с расстановкой вымолвил:

– А знаете, кто первой оживает по весне?

– Кто?

– Кто?

– Кто? – раздался голоса с разных сторон, будто колокольчиковый перезвон.

– Кто? – не вытерпел, обронил и старый дуб.

– Терпения, терпения, любушки-голубушки, – призвал к порядку взбудораженных спором лесник.

Радетель леса опустил на молодую травку и снял фуражку. Он окинул взглядом тесным кольцом окруживших его и заговорил немного гнусавым, но уверенным и громким голосом.

– На исходе, а иногда и в середине марта, появляются первые проталины. Южные склоны холмов начинают в это время попухивать парком. Вот в это время и появляются первые цветы-цветочки! Дошло, любушки-голубушки? Будто золотые огоньки вспыхивают на пригреве. Глаза весны – я их называю. А что – разве не так? ... У кого, мои милые, в марте глазенки раскрываются? Желтые-желтые! У кого?

– Не знаю, – сказала Медуница. Остальные молчали.

– Так-так... Едем дальше. Стебелек махонький, а цветочек с копеечку, верх листочка холодный, а низ – теплый. Ну? Кто смелее, кто отгадает? Кто это?

– Не знаем... – на этот раз с грустинкой ответили все хором.

– Не знаете, значит? – переспросил он. – Плохо. Очень плохо. Чтобы спорить – надо знать. Ну ладно, так и быть. Скажу. Скажу, кто из вас достоин называться первоцветом.

– Кто, кто? – снова посыпались голоса с разных сторон.

Лесник оглядывал всех и молчал.

– ...Самая заботливая, любушки-голубушки, в вашем ряду – Мать-и-мачеха! Вот она-то и есть Первоцвет.

Рассказчик приумолк. Утер лысую голову, чисто выбритое морщинистое лицо и спрятал платочек в карман.

– А где же ваша “самая заботливая”? – спросила масляным голоском, с подковыркой, затеявшая сыр-бор Медуница. – Коль так, пусть занимает своей пост! Где она, где?

Лесник поднялся с земли и тихо, но чтоб слышали все, добавил:

– Где, говоришь? Отцвела. Даваем-давно отцвела Мать-и-мачеха. Потому и на собрание на это не пришла. Да и то скажу, красавицы, поздновато спор затеяли. Вы только собираетесь цвести, а она уж скоро обсемянаться будет... Вот вам и Первоцвет!

Песня Родины

Уставала моя бабушка от кухонной колготни.

Она, помню, облегченно вздохнув, отходила от печного устья и присаживалась к нам за большой обеденный стол. В глиняной большой миске дышали паром долгожданные “жаворонки” – ржаные хлебцы с подрумяненными спинками. Кисловатый их запах заполнял полутемную избу. Мы сидели, как галчата, вокруг и с нетерпением ждали, когда они чуть-чуть остынут. А бабушка, как нарочно, начинала вспоминать, как пекли, как встречали праздник сороки в старину. Мы слушали, а у самих текли слюнки.

“Пикут жваронки в марти, девятого числа по старьму.

Об эту пору завсегда речка вскрывалась. Бывал, выдишь на крылечко-то, жваронок доржышь и крычишь во весь голос: жваронки, прилитити к нам, теплу весну принисити нам... А на поля, бывал, выдишь, а там жваронок пает. Так пает, так пает, на душе делаеца гоже...”

Говорила она, несмотря на грузность и высокий рост, тихо и не спеша, слово к слову; речь ее текла спокойно, размеренно, но не утомляла. Грудной низкий голос был мягок и доверчив, каждое ее слово доходило до сердца.

В тот памятный день бабушка поднималась рано, ни свет ни заря. Вставала, разжигала еще теплую от вчерашнего печь и начинала греметь ухватами и чугунками. Медлительная от природы, с делами справлялась быстро. Мы только с полатей слезаем с помятыми личиками со сна, а она уже доставала из пышущей жаром печи листы с “жваронками”.

С намавленного горячего листа перекладывала фигурки из теста по одной, обжигаясь, на длинную, выскобленную до яичной желтизны кухонную полку. После этого подмачивала их влажной тряпичей и, наконец, укрывала на время сухим холщовым полотенцем – томила.

С возрастом терпение нам стало изменять. Его не хватало на то, чтобы дожидаться, когда ржаные птахи окажутся на столе. Самые шустрые из нас, внуки постарше, “неслухи”, хватали “жваронку” свою чуть ли не с огненного горячего листа. Вздурораженные необычностью события, стремглав выбегали на высокое, выходящее на восток крыльцо и с радостью кликали весну.

*Жаворонки, жаворонки,
Прилетите к нам,
Принесите нам
Весну-красну.
Зима надоела,
Весь хлеб поела...*

Давным-давно умолк тихий, ласковый бабушкин голос. Уж и у внуков ее давно внуки. Много воды утекло с той поры. Унесла она с собой и многие обычаи. Жаль, но уж сегодня не выбежит малец, как мы когда-то, на крылечко звать-величать долгожданную весну. Забыли старую добрую сказку.

... К обеду с горем пополам наконец-то я собрался. Вздумал побродить-походить по окрестностям, посмотреть, как чувствуют себя после зимнего плена поля и овраги, побыть, заодно, немного с самим собой. Но... Ох уж это “но!” Только выходить, заявляется к нам Юрка, соседский мальчишка. Сказал так, в шутку, о своих сборах, а он принял всерьез. Навязался со мной. Не станешь же отказываться?

Взметенная под зябь пашня успела выпростаться из -под снежной неволи и теперь, отдохнувшая, радовалась обретенной свободе. В блюдцах между гребнями борозд поблескивала, словно осколки зеркала, вода. Иссиня-черный, как воронье крыло, чернозем взбух от влаги, и можешь, если оступишься, завязнуть по колено.

Изъезженный с осени проселок успел слегка обсохнуть. Мы свернули с него влево и побрели вдоль чахлой березовой полосы. Исполнить свое предназначение, защитить поля от суховеев, так она и не успела. Ринулись на нее с города любители попариться, и остались от полосы деревья-калеки.

На полях пустынно, зябко и неуютно. Неужели промелькнет несколько недель и на них, голых и немых, возродится притаившаяся до поры до времени жизнь? Неужто, дай срок, будут веселить они взор молодой чистой зеленью всходов?

Тоскливо и одиноко.

Ухарем-купцом, не зная преград, носится-куражится над безлюдными полями удалой весенний ветер. Будто и не холодный, с запада, но пронизывает, бесстыжий, насквозь. “Как в аэродинамической трубе, – сравнил невольно про себя, – коварнее, кажется, любого зимнего...”

Юрик мой лишь посапывал. Он, очевидно, каялся, ругал себя за то, что напросился на эту далеко не из приятных прогулку. Отворачивался от хлестких порывов ветра и то и дело прикладывал к щеке красную, как гусиная лапка, ладонь. Шагал, чавкая ногами в новеньких яркосиних сапожках, по мокрой тропке меж берез. “Хорошо, что не ослушался, ушанку надел, – успокаиваю себя, – без нее было бы худо”.

Вскоре вышли на другую защитную полосу; более густую, хвойную вперемешку с чернотелом. Она зеленым валом тянулась с запада на восток. На южной стороне ее было суше и чуть-чуть теплее, здесь распоряжалась весна, а на другой – все еще хозяйничала зима-побитуха: бугрился посеревший, в древесной посорке, снег. Под пологом густобровых сосен мы почувствовали себя вольготнее. Мой спутник повеселел. Его неокрепший, срывающийся басок наконец-то заявил о себе.

Вдруг из густой пелены дымчато-серых облаков, сквозь шумные ветровые вздохи уловил я слабенький перезвон колокольчика!

Жаворонок? Но... в такую погоду, как говорится, порядочный хозяин и пса своего на волю не выпустит! Да и нам, старому с малым, не следовало бы нос высовывать.

С трудом нахожу на фоне клубящихся облаков крохотную черную точку. Вот откуда, вон с каких высот сыплет гроздьями нот отважный солист! Весну славит. Погода погодой, а всему свое время. О начале осени объявляют первая желтизна на березах и веселый школьный звонок, а о начале весны – вот этот, небесный. А колокольчик, между тем, журчал, сверлил серебряной звенью облачную мглу; переливался так, что радость возвращения птицы на родину отозвалась во мне; теплее будто бы стало на душе.

Счастливая птаха! Вся жизнь с песней. Песней встречает рассвет, восход солнца, ею же провожает вечернюю зарю. Поет и весной и в начале лета. И что станет с этой ширью и с людьми, нашей душой, если вдруг умолкнет ее призывная песня?

– Слышишь? – коснулся я долговязого Юрия, стоявшего рядом, и сам затаил дыхание. Он задрал голову и, полураскрыв рот, стал слушать прерываемую ошалелым ветром тихую трель. “Так паёт, так поёт, на душе делаеца как-то гоже!” – ожил вдруг в памяти бабушкин говорок, вспомнил вкус ее горяченьких “жваронков”.

– Угу – мотнул головой Юрик. В его глазах под русыми бровями светилась радость, а на припухлых губах, с пушком над верхней, играла полуулыбка восторга.

– А солиста этого знаешь? Слушал когда-нибудь его концерты? – поинтересовался я у Юрика, не теряя из вида темную точку. Жаворонок снижался. С высоты пяти-десяти метров он замолк и юрко спланировал на землю.

– Нет, не знаю. Птичка какая-то, – сказал Юрик в ответ, ничуть не смутившись.

– Да? – озадачил он меня. – Ты что? Иль к бабушке не ездил? Она... она из Капасова? Не ошибаюсь?

– Ага. Оттуда. Но она... но я ни разу не слышал, – смешался парнишка и почему-то зашмыгал носом.

“Неужели и вправду не знает? – не верилось мне. – Может ли быть такое? ...А сам я в его годы – знал? Может, зря грешу на парня?”

Да как же не знал! Разве забудутся годы военного лихолетья? Идешь по лугу, стелющийся ковром, а над тобой – птица поля. Так у нас называли жаворонка. Так и журчит, так и журчит с солнечного неба! Разве такое забудется?

– Жаворонок это, Юра, жаворонок! – повторил я с обидой и начал охотно, прямо-таки с юношеской запальчивостью, рассказывать ему, что знал об этой дивной птичке. – Хозяйкой поля называли ее раньше, Юрынька, хранительницей его благополучия. В честь нее в стародавние времена наши предки устраивали шумные праздники, складывали песни, погудки, при-слова. Жаворонок к теплу – существует поверье, – а зяблик к стуже. Если судить по этой примете, по песне между небом и землей, то быть перемене к теплу и доброму настроению.

Неужто, волнует меня, голоса магнитофона, радио, телевидения, а теперь еще и компьютера, могут навсегда отнять у людей любимую многими поколениями мелодию? Ведь песня жаворонка – это живая Песня родины. Что будет с нами без нее? Куда придем?

“Черный ворон, я не твой...”

В зеленую пору детства у соседей напротив, в конце их огородных “соток”, росла-цвела осина. Откуда она, чем-то виноватая перед церковниками, попала, откуда взялась? На её вершине по весне, когда природа начинала дышать запахами мая, доносился крик одинокого ворона.

Кранк-кранк!

Кранк-кранк!

– Вроде никто и не помер. Было бы слышно, – до сегодняшнего дня в памяти полные горечи, даже боязливо сказанные слова матери, – о чем снова он? А?

– Может похоронку кому принесли,.. – глядя в окно, повторила ту же мысль моя бабушка, – смерть как бы кренч-ворон не накликал...

Вошла старшая сестра. Надяй.

– Только-только принесли похоронку Кузьминым. Погиб дядя Василий. Убивается тётя Пелагия и не знаю как. Шестеро осталось на руках.

...То ли от услышанного в детстве, то ли еще отчего, скрипучие “кранк-кранк” до старости лет порождали во мне обжигающие душу чувства. Услышу “песнь” вещи птицы и обязательно навестит недобрая мысль. Откуда, с чего бы это? О характере, о пророческих наклонностях ворона мы, быстроногие мальчишки, понятия не имели. Так откуда же взялось магическое воздействие чернокрылого на меня?

В том году с самой ранней весны жил в селе. Домик наш – чуть ли не в лесу. Выйдешь на крылечко и смотришь, как глубоко-глубоко, головой не качнут, думают о чем-то покрытые зелеными покрывалами краснокожие сосны.

О чем?

Не знаю.

Не знаю почему, но мне нравятся они, когда гуляет и без жалости раскачивает их вершины разухабистый ветер. В это время тоскливой – грудь сжимается – у-у-у песней разгоняют застоявшуюся тишину, не дают впасть в сон. У-у-у – уносит тебя в какой-то неземной, бесконечный, наполненный вечной скорбью мир.

На сосне, что ближе всех к нам, собираются не один-два ворона, как сбереглось в моей памяти, а насколько пар. Что они там делают, почему кружатся вокруг одного дерева, не знаю. Знакомым “кранк-кранком” пугают меня, а теперь еще и раздражают. Я теряю временами самообладание.

Постепенно к этим, чуть ли не загробным заклинаниям, привык. “Все это суеверные предрассудки”, – сделал заключение, осудил свои детские представления. Но...

В то утро птицы вели себя особенно беспокойно, своими выкриками прямо-таки терзали душу. “Когда это кончится? Когда? – все возмущался, занимаясь огородными делами недалеко от злополучной сосны. – Неужели, в самом деле, что-то печальное предрекают?” К моему удивлению, так и оказалось. Вечером того же майского дня отдала Богу душу наша соседка, добродушная, не знающая зла бабушка Ольгакай. Не зря, получается, мать моя крик черного кренча-ворона связывала с черной вестью.

Верность

Зной и духота. От запаха отмякшего асфальта першит в горле.

Толпа густеет. Пассажиры тихо переговариваются меж собой. Ждут не дождутся автобуса. Каждый надеется вырваться, уехать от этой редкостной для мая жары.

Вдруг откуда ни возьмись на мостовую, чуть не кувыркнувшись, опустилась... утка! Серенькая, почти с домашнюю. Она испуганно повертела шейкой и притихла. Не успели опомниться, как, тревожно крякая, подседа к ней еще одна. Головка у нее темная, а крылья – иссиня-черные; перья на шейке переливаются изумрудом. Ну щеголь щеголем!

“Дикие утки на шумной улице большого города?” – поразило меня.

Селезень закружил вокруг беспомощно лежавшей кряквы. Он суетился и старался, издавая тихие скрипучие звуки тревоги, помочь, как мне показалось, пострадавшей; тыкал зеленым, лопаточкой, клювом, с участливостью заглядывая в ее глаза.

Терпеливо ждущая разноликая толпа на остановке будто онемела. Ни звука, ни движения. Все смотрят, затаив дыхание, в одну точку. Чем же кончится этот невероятный аттракцион среди суматошной улицы? Чем?

“Идет!” – неожиданно нарушил напряженную тишину мужской зычный голос. Десятки голов, как по команде, повернулись, забыв о необычной арене перед ними, в одну сторону.

Из-за поворота, поблескивая стеклами, показался толстобокий автобус. Сбавив скорость, пересек трамвайную линию и завернул в сторону нашей остановки. Через несколько минут его урчание послышалось рядом.

Толпа зашевелилась.

У самого бордюра тротуара дружной стайкой стояли девушки.

Когда до стеклянного лба машины, уже вырুলивавшей к площадке, оставались считанные метры, одна из девушек уронила свой “дипломат” и бросилась ей навстречу. Почти из-под колес она выхватила беспомощно лежавший серый комок и – назад! Не отставал от нее, хлопая крыльями и поднимая дорожную пыль, и селезень. Для него, знать, в эти минуты не существовали ни толпа, ни машины, ни шум улицы.

Водитель нажал на тормоза, и туго набитый ЛИАЗ стал. Растерянность, отразившаяся на лице пожилого шофера, сменилась широкой добродушной улыбкой. Он смотрел не в зеркало, как штурмуют пассажиры двери, а на отчаянно смелую девчущку.

Спасительница стрельнула взглядом по сторонам и побежала, прижимая утку, как крохотного ребеночка, к груди, к кустам сирени неподалеку, в двух-трех десятках шагов от остановки. Осторожно, как что-то хрупкое, опустила спасенную на травку и, смущенно улыбаясь, покрасневшая, вернулась к подругам.

Дни бежали без оглядки. Будни учебы, заботы о быте, отдых заполняли их до краев. По утрам, словно исполнительный школьник, спешил я на занятия. Спешил, но, как правило, делал крюк – шел в лекционный корпус не напрямик, а через институтский скверик. Здесь радовали меня молодая майская зелень, розовые бутоны яблонь-дикарок, еще не знающих пыли, жаркий взгляд одуванчиков. Но не из-за них позволял я себе этот круг. В нескольких шагах от тропинки, по которой я хожу на занятия, – “лечебница”. Она расположена в тени сиреневых кустов. В ней поправлялись те, кто совсем недавно, к удивлению многих, сели на шумную, кишашую людьми и машинами улицу.

Ведает этим необычным учреждением негласное, стихийно возникшее общество по уходу за угодившими в беду. Общество это, меня порадовало, оказалось не из тех, о которых узнаем лишь по сборам взносов.

Один из благотворителей позаботился, принес большую алюминиевую миску, а кто-то не забывал изо дня в день наливать в нее свежей воды. Рядом на траве белела еще одна такая миска – для еды. Все условия: только лечись, сил набирайся!

...Девушка, идущая впереди меня, свернула с дорожки и направилась в сторону “лечебницы”. Ростом она невысокая, коренастенькая. Светлые курчавые волосы теребит, ластясь, тихий утренний ветерок. На ней клетчатая рубашка. Рукава засучены по локоть. Вишневого цвета летние брюки плотно облегают ее фигуру. “А что-то в ней знакомо, – промелькнуло у меня в мыслях, – где-то встречалась эта кнопочка, видел...”

– Утя, утя, утя, – позвала она, подходя к кустам. Опустилась возле птиц на корточки, достала из целлофанового с ярким рисунком пакета полбуханки ржаного хлеба и принялась крошить его в миску. Франтоватый селезень и его подопечная, ничуть не боясь и довольно побрякивая, принялись завтракать. “Вот это да! Будто и не дикие”, – чуть не сказал вслух от удивления.

Я стоял в сторонке и ждал.

Прошло несколько минут. Светловолосая “птичница”, одетая как мальчишка, накормила птиц и, мягко ступая по траве, вышла прямо на меня.

– Здравствуйте, – сказал я и кивнул.

– Здравствуйте, – ответила она и недоуменно посмотрела на меня. “Не обознались, слушаем? Не ошибаетесь?” – говорили ее круглые, зеленоватые глаза за стеклами очков.

– Скажите, это не вы тогда, почти из-под колес... – и я показал кивком головы в сторону кустов с птичьим двором под ними. Она поняла меня.

– Да, я... – тихо, почти шепотом, вымолвила она, оправившись от мимолетного замешательства. Ее миловидное, удлиненное лицо озарилось робкой полуулыбкой.

“Неужто такая могла броситься под автобус?” – мелькнуло у меня в сознании.

Мы разоткровенничались.

Учится она, сказала, на зоотехническом факультете. Кончает третий курс. Звать ее Леной.

– Не представляю, – призналась мне она, – как можно жить, не общаясь с животными, без забот о них. Я и дома, у мамы, ухаживаю за скотиной. Кормлю, пою... Но особенно нравится доить корову...

– Так-так, Леночка. Начинаю догадываться: знаю теперь, кто у нас председатель общества “В помощь бедствующим”. Так, кажется, называется оно у вас?

– Так, именно так, – повторила мои слова Лена, белозубо улыбаясь, – именно “В помощь бедствующим”, не меньше...

– А кто может вступить в него?

– Любой! – крикнула Лена, задорно засмеявшись, и мы разошлись. Прошло около двух недель.

Я ни разу не видел, чтобы кряква с селезнем были бы без воды, хлеба, каши и еще чего-то. Ленино общество работало на совесть. Это хорошо, но печалило меня другое. Умей птицы говорить, они наверняка бы сказали: “Стыдно нам есть дармовой хлеб, но разве мы виноваты, если озера многие превратили в свалки?”

Верный друг больной, селезень, помогал своей заботливостью и участием не меньше Лены и ее помощников. Ни на шаг не отлучался от нее. Даже, казалось, он забыл про Разумовское озеро, где они начинали строить гнездо, пока не случилось с кряквой несчастье.

У прохожих при виде этой дружной пары невольно появлялась на губах улыбка.

Однажды я, по какому-то наитию, решил изменить своему правилу. Вздумал пройтись по скверику не поутру, как обычно, а во второй половине дня, после занятий. Солнечный, с бодряще-свежим ветерком денек показался мне после душной лаборатории раем.

А вон и мои ненаглядные! Лена, смотрю, уж успела дать им все что надо: и хлеба, и воды. Вишь как сноровисто да споро выуживают кусочки! Только подавай...

Ешьте, ешьте, быстрее на крыло станете!

Утка словно разгадала мои мысли. Пообедав, захлопала крыльями, как веерами, и заковыляла под полог куста отдыхать. Но что-то ей там не сиделось. Немного погодя, вышла, чуть-чуть припадая на правый бок, из своего убежища и замахала крыльями снова. Она будто бы проверяла их надежность.

Но вот утица оттолкнулась от земли и... поднялась в воздух! Взмыл за ней вдогонку и ее верный друг селезень. “Лен, Лена! – крикнул я про себя от радости. – Где ты?! Улетают, улетают твои питомцы!”

“Выписались...” – подумал я вдобавок, облегченно вздохнув.

Как знак благодарности людям, птицы, летевшие рядышком, крыло к крылу, совершили прощальный круг над сквериком и взяли курс в сторону Разумовского парка с озером.

Счастливого пути вам, вольные птицы!

Дней солнечных!

Когда у лебедя погибает лебедушка, он поднимается в заоблачную высь и оттуда, сложив после прощальной песни крылья, камнем бросается на землю. Нет, не довелось мне быть очевидцем такой самоотверженности, но то, что случилось тогда в институтском скверике большого города и что видел я своими глазами, заставило задуматься о многом.

Дай нам, Инешкипаз (2)...

Солнышко большим красным ситом неспеша опустилось, думая о ночлеге, за линию горизонта.

Жара спала. Одуванчики, что желтели на межах вокруг не вспаханного участка, призакрыли желтизну и опустили головки. Готовились отдыхать.

Дед Кипай последний раз, понукая лошадь, прошелся вдоль участка и повернул назад, в сторону стоянки – на край овражка.

Отстегнул борону.

– Ну, как, Тешняр, устал, поди! Как не устать. Вот какую тяжесть мы с тобой сегодня свалили. Ну, ты это, не пеняй, не обижайся на меня. Доберемся до дома – отдохнем. А почему, зачем дожидаться дома? Здесь тоже, кормилец мой, можно дух перевести и подкрепиться тем, что Бог кое-что дал, – мирно, как-будто с закадычным другом, разговаривал старый Кипай с меринком, пока снимал хомут, освобождал гужи от валька, раскрывал, поправляя края, мешок с остатками овса.

Управившись с этим, севец посмотрел на сделанное за день. Удовлетворенный работой, почесал затылок и невольно заулыбался. “И коноплю, спасибо Инешкипаз, посеял. Слава Тебе, отсеялся. Дай хорошего, прочнее прочного волокна, дай побольше семян”, – от усталости с хрипотцой сказал, глядя на сборнованный, ухоженный пай.

Старик огляделся. Вокруг никого. Неспеша расстегнул воротник и снял потом пахнущую сермяжную рубаху. Сел, кряхтя, на луговинку – посмотрел ещё раз вокруг, разулся, встал и снял холщовые, в заплатках штаны. Остался в чем мать родила. Высокий. Худощавость подчеркивала рост. Кожа белая. Еще белее кажется на фоне только что сборнованного чернозема.

Севец вздохнул, погладил несколькими движениями широкую, на всю грудь, белую бороду и повернулся в сторону восхода. “Что, дед, вспомним, отметим обряд наших предков? Помолимся?” – сказал он самому себе и шагнул к краю посеянного надела. Сказав так, Кипай приподнял выше груди ладонями вверх руки и трижды поклонился в сторону восхода. Еще поклон и босиком, совсем голый, прошел поперек участка. После этого отшагал, читая вслух молитву, со всех сторон. Ходил старик, не чувствуя подошвами ног колких неровностей, по посеянной земле и сеял ее вторично – к Богу обращенному словами.

“Дай нам, Инешкипаз, мохнатый корень, широкий лист, толстый стебель, тонкое прочное волокно! Больше чем листьев дай, Норовава (покровительница поля, плодородия) семян, возрадуй нас теплыми дождями, спокойными ветрами, не пускай на нас града свирепого .

Посмотри на меня, Инешкипаз, светлым взором своим, далеко видящими пожеланиями. Я – гол. Одень, Инешкипаз, штанами-рубахой, а женщин, что сейчас дома – в руци-покаи (верхнее и нижнее одеяние), одари их холстами, красивыми белыми платками. Береги, прошу, от голода и холода. Молю, молю, молю. Бог, помоги нам!..”

Последние слова произнес, подняв руки, и глядя на восток.

Древний молельный обряд окончен.

Дед Кипай вернулся к стоянке. Неспеша оделся-обулся, прислонился на телегу и долго смотрел на черный, бисером сверкающий, посеянный, молитвой вымоленный уголок пашни. О чем он думал в эти минуты, какие мысли теснились в извилинах его памяти? Может быть, вспоминал годы юности, свою женитьбу? Или подсчитывал, прикидывал в уме сколько за ушедшие от него годы вспахал-посеял?

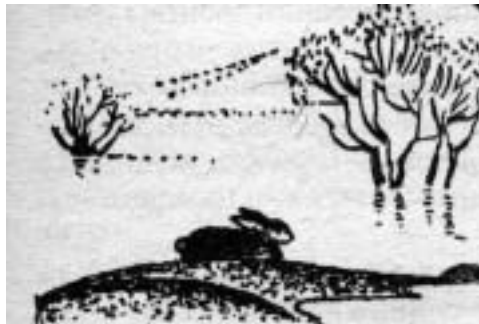
...Пришла осень. Инешкипаз тогда, по весне, услышал слова главы семьи. Уродилась конопля, как и просил, листвою широкой, стеблем толстой да высотой до неба высокой. Многочисленная семья Кипая взялась убирать-мочить урожай. Как не радоваться? Будет теперь

что положить на зуб, что на себя накинуть. И пряжа, и ткацкий стан, и многое другое дремать долгими зимними вечерами не станут.

Нежданно-негаданно, в одночасье общие радости и надежды рухнули. В начале зимы Кипая с семьей сочли одним из богатых в селе. Установка была прямая: чтобы среди жителей села были одни, как на подбор, бедные. Никаких богатых! Участь бородатого Кипая с многочисленной семьей была предрешена.

Недаром говорится: Бог поступает по-божьи, а Идемевсь-бес – по-дьявольски. Уж слишком далеко вознесся бы человек, если всё на земле делалось по воле божьей. Для этого, знать, и Идемевсь (дьявол).

(2) Инешкипаз – творец по эрзянской религии

Откровения лета

От цветов и цветочков, от куда-то скачущихся волн луговой овсяницы светлеет взор. Тем не менее, восторженных криков, весёлых песен, как было весной, от них не услышишь. Одни отцвели, другие, не спеша, спокойно – растут-наливаются. Куда спешить-торопиться? Иногда, правда, пытаются вполголоса запеть сдержанно-грустную мелодию лета. Пройдись как-нибудь по опушке леса, стань, замри, не дыши несколько мгновений и обязательно в твоих ушах тихо-тихо зазвенят голоса цветов.

Лето – работник, трудяга. Бездельничать, бить баклуши ему некогда. Заботам, делам края не видать: посев и посадка, прополка, сенокос, жнитва-молотьба... И каждое из них надо сделать в свое время и как надо. Труденик он, солнцедар, – опытный. Несмотря на это, без помощников воз бы свой не потянул. Их у него, главных, двое: звать первого “Дождь”, второго – “Теплынь”.

“Весенний день год кормит”. Верно. Вовремя не отсеешься – зубы зимой не полку. Но кормит, не следует забывать, и Лето. Не придут когда надо Дождь с Теплом, зимой волком завоешь. Не случайно старики говорят: какое лето, такая будет и зима.

Лето – хлебороб не молодой и не старый. Он много знает, много чего умеет и много-много всего и всегда делает. Лето, именно лето объявляет о скором приходе осени. Люди о ней, о приближении желтогривой, стесняются и говорить. Особенно женщины, заметившие первые сединки в волосах. Даже в уме не хотят держать: какая осень среди лета? Но... против времени не устоишь. Оно – неумолимо. Не успеешь оглянуться, а вчера только изумрудно зеленые поля покрылись золотистым сиянием и на токах объявились желтые сугробы зерна, радостные голоса возле них.

Новое всегда выходит из недр старого. Это аксиома.

Так происходит и с дотошным летом.

Березовая рябь

Как будто и не было ни приглушенного говора толпы, ни едкого дыхания выхлопных труб потока разной породы машин. Десяток-другой шагов наискосок через шумную улицу, и я в объятиях красок, звуков и запахов... березовой рощи!

И не верится, что совсем недавно, пять-шесть десятилетий назад, она выглядела большим зеленым островом среди златящихся нив. Колыхались вокруг зеленые, а затем желтые волны пшеничного моря... “Пить пора! Пить пора!” – отбивали скороговоркой перепелки в пору созревания хлебов.

Было да быльем поросло! Куда нынче ни глянешь, глаз уткнется то в каменную стену, то встретится с жесткой геометрией улиц, площадей, дорог-скороходов. Скажешь и не плескалось пшеничное море!

Ускорила посадку этой рощи памятная сушь сорок шестого года тепер уж ушедшего века. Не успели зарости окопы, высохнуть вдовьи слезы, как грянула новая беда – засуха. С той поры и взялись за полезащитные лесные полосы. Взялись за щиты от разорительных набегов суховеев по-сталински – горячо и с размахом! Так и писали: “Сталинский план преобразования природы”.

Трудно теперь восстановить – да и смысл какой? – что случилось тогда у здешних лесоводов. Или неувязочка с планированием, или еще что, но вместо полезащитки посадили массив в несколько гектаров. Не полоса, а березовая роща! Но не только это. Дали они еще одну промашку. И в голову им, борцам с засухой того времени, не приходило, что пройдут годы и тесным кольцом окружат их березки каменные утесы многоэтажек.

Не было счастья, да несчастье помогло – говорит народная мудрость. Ошибка отцов, как ни удивительно, обернулась благом для потомков. У кого нынче не засияют радостью глаза при виде этого рукотворного зеленого оазиса чуть ли не в центре большого шумного города?

...Будто бы я выскользнул за дверь из душной, прокуренной насквозь избы! Дышится здесь легко и свободно. Целительная свежесть омывает лицо, шею, разливается по всему телу, утомленному зноем. Словно приник я к ковшу с прохладной березовой водой и никак не оторвусь, утолив жажду, от него.

Пахнет лесной прелью, грибами, чуть-чуть терпким духом березовых листьев и даже, кажется, спелой земляникой.

Оглядываюсь по сторонам. Чувствую себя среди этой красоты и приволья неловко, вроде как нахожусь в гостях у малознакомых или же надел с иголки костюм и пришел в нем, как в студенческие годы, разгружать вагон. Оглушенный неожиданной тишиной, брожу и не надивуюсь убранством березок. Запрокидываю голову и сквозь зеленые кружева вижу такие же узоры прозрачной голубизны. Какие они рукодельницы! Взгляд не отвести от мельтешенья, от неугомонной пляски черных и белых мазков вокруг. Вот она – “страна березового ситца”, радуйся!

Упала с ресниц и медленно покатила по щеке, оставляя теплый след, слезинка. Наверно, это у меня от перепляса темных пятен на светлых стволах, от ряби в глазах.

А может, от радостных чувств, заполнивших душу?

Характеры

Род деревьев, как и трав и зверей, многочислен и разнообразен. У каждого из них свой облик, нрав и даже судьба.

Взять тот же остролистный клен. Чем он привлекателен?

Подкупает он меня своей степенностью. Стоит себе писаным красавцем на краю полянки и машет гордо, не спеша, будто ладонью, широким пятипалым листом. Лишь любящий муж, представляется мне, может с такой нежностью, так галантно помахать, выходя из дома, жене, расставаясь до вечера. Смотрю с восхищением на него и думаю: “Красавец какой!” Сдержан он – этого у него не отнимешь. Каждому встречному-поперечному душу, будь уверен, не распахнет. А каков у него осенний убор! Разве сравнить с кем еще.

– А кто тебе, признайся все же, милее? – не вытерпел, вмещался все-таки пронырливый гуляка ветер, пока я любовался красавцем кленом.

– Береза... – признался я, почему-то смущаясь.

– Да? А чем тебе приглянулась она? – не отставал от меня мой любознательный спутник. Спросив, дунул мне в лицо свежестью и медовыми запахами.

– Праздничностью. Вот чем, озорной. Она всегда такая сияющая, нарядная, словно в гости собирается и никак не соберется.

– Да? Так уж всегда? Ой ли?

– А то! – не сдавался я. – И зимой, и летом. Правда, пусть и изредка, чопорна бывает. Я ее в такие минуты называю холодной красавицей. Может, и обижается за это, но... Кстати, по натуре она чем-то похожа на клен. Песня-то, видать, не так просто сложилась:

*Рос на лесной опушке клен,
В березку был тот клен влюблен.
Березка к другу на плечо.
Не раз склонялась горячо...*

– А песенка, скажу, недурна! Задушевная. И поется легко. Значит, клен – влюблен? А я все думал, они брат с сестрой. Но ничего, пара – что надо. ... А как ты судишь-рядишь о дубе? – не унимался дотошный ветерок.

– О дубе? Симпатичен он мне – силой, могучестью. А где сила, там и слабость. Да-да, браток, именно так! Его величают и богатырем, и патриархом, а от майских утренничков да отзимков – дрожит. Вот тебе и силач! А прожорливые бабочки-листовертки как над ним изголяются?! В иные годы, жадюги, донага раздевают. Заходить страшно в дубраву. Вот так-то!

– Да, картина не из веселых. А каков патриарх нравом? Крут, грозен, мягок? – все выжибал у меня своевольник.

– Добродушнее дуба, я скажу тебе, неслух, – нет. И мудрее тоже. А мудрый злым никак не может быть. Но такие, не удивляйся, в обыденной жизни нередко бывают беспомощными, как дети. Таков и наш лесной долгожитель. И черви его донимают, и заморозки жить не дают, а сладить с ними не может. Терпение рождает гениев. Вот он и терпит.

– А сосна-красна? Как ты к ней относишься?

– С уважением. Дружу с ней, как и со всеми. Стараюсь, в меру своих сил и возможностей, ограждать ее от бессердечной лесовальной “Дружбы”.

В погожие дни листопада сосна изумляет грациозностью и яркостью хвои. Будто на смотрины выходит. Она в такие часы царственно величава. Но стоит с лихой удалью промчаться-пронестись стилому сиверку или напористому южаку – держись! Забуянит бор – не

унять. Стон, жалобы, плач разносятся по всему бору. Вот тебе и величавость! Строптивая, строптивая она, но зато и справедлива. С такой скучать не будешь, но и горя знать тоже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.